В. В. ШУЛЬГИН

Письма к русским эмигрантам

В. В. ШУЛЬГИН

Письма к русским эмигрантам

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1961

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Автор открытых писем к русским эмигрантам — Василий Витальевич Шульгин в прошлом был видным деятелем Российской империи. Богатый волынский помещик, он неоднократно избирался в депутаты Государственной думы, где возглавлял крайне правое крыло реакции и считался идеологом монархически настроенного крупного дворянства. Будучи членом временного исполнительного комитета Государственной думы, Шульгин во время Февральской революции предпринял отчаянную попытку спасти монархию: он убеждал Николая II передать престол сыну, а потом (всего лишь на несколько часов) провозгласил императором царского брата Михаила.

После Великой Октябрьской социалистической революции Шульгин стал одним из организаторов белогвардейской контрреволюции, а когда белые были разгромлены, бежал за границу. Многие годы он вел идейную борьбу против Советской власти, был одним из вожаков белой эмиграции.

Великая Отечественная война на многое раскрыла Шульгину глаза: он увидел, что советский народ самоотверженно обороняет завоевания социалистической революции. В 1944 г. в Югославию, где проживал тогда Шульгин, вошли советские войска. Шульгин был препровожден в СССР и после следствия понес заслуженное наказание за свою многолетнюю антисоветскую деятельность. Досрочно освобожденный в 1956 г. из заключения, он поселился в одном из наших городов.

В декабре 1960 г. Шульгин обратился к русской эмиграции с открытым письмом. О мотивах, побудивших его выступить в печати, он пишет так: «Враждебное отношение некоторой части русской эмиграции к своей Родине является одной из сил, повышающей международную озлобленность. Желанием хоть чем-то смягчить эту опасную психику вызвано настоящее обращение к эмиграции».

За время, прошедшее после публикации первого письма, Шульгин попытался еще глубже познакомиться с жизнью нашей Родины, посетив ряд районов, в которых прошла его молодость. Увидев собственными глазами советскую действительность, Шульгин нашел в себе мужество признать, что Советская власть действительно отражает мысли и чаяния советского народа. В. Шульгин видит, как Россия, «гибель» которой он когда-то оплакивал, стала могучей, высокопромышленной державой с растущим уровнем жизни. Он признает, что это достигнуто народами Страны Советов под руководством Коммунистической партии — партии Ленина.

Под впечатлением всего виденного, а также откликов на его первое письмо, он снова взялся за перо. В результате появилось второе письмо («Возвращение Одиссея»), которое также публикуется в настоящей брошюре.

В письмах Шульгина имеются некоторые неверные положения и субъективные оценки, требующие к себе критического отношения. Тем не менее эти письма представляют интерес: они являются искренним призывом к разуму и миру. Автор признает выдающийся вклад советского народа и правительства СССР в дело борьбы за мир, горячо призывает всех людей доброй воли обуздать поджигателей новой войны и активно бороться за мир во всем мире.

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ „РУССКИЙ ГОЛОС“
г. Нью-Йорк

Уважаемая редакция!

При сем посылаю Вам свою рукопись под заглавием «Открытое письмо к русским эмигрантам» с просьбой, если это будет признано возможным, напечатать ее в подвалах газеты или опубликовать иным способом.

Разрешите вместе с тем изложить Вам в настоящем письме, почему я пришел к мысли написать обращение к русским эмигрантам.

По многим причинам я давным-давно ушел от политики и не имею желания и сейчас к ней возвращаться. Но есть времена и времена. Иногда сказать то, что думаешь и чувствуешь,— не политика, а некий долг совести.

Сейчас именно такое время. И человек, чуждающийся политики, если только он не впал в старческий маразм, не может не видеть, что человечество стоит над пропастью. И оно в нее упадет, если чувство самосохранения не одержит верх над роковым безумием, толкающим людей к самоуничтожению.

В такое время, как никогда, может быть оправдано знаменитое некогда «Не могу молчать» Льва Толстого. Последний был великий писатель, я писатель маленький, но задача, стоящая сейчас перед нами, писателями большими и маленькими, превышает, как мне кажется, по своему значению все, что до сих пор было доступно влиянию слова.

Мне показалось, что если я хоть на вес паутинки могу уменьшить давление мирового напряжения, то я обязан это сделать.

Враждебное отношение некоторой части русской эмиграции к своей Родине является одной из сил, повышающей международную озлобленность. Желанием хоть чем-то смягчить эту опасную психику вызвано настоящее обращение к эмиграции.

Если Вы разделяете эти взгляды, то, быть может, исполните мою просьбу, за что буду Вам признателен.

С совершенным уважением — В. ШУЛЬГИН.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К РУССКИМ ЭМИГРАНТАМ

Прежде всего я должен сказать несколько слов о себе самом. Это обращение могут прочесть и лица, которые обо мне ничего не знают. Без такого личного предисловия им будет затруднительно понимать, почему и отчего я к ним обращаюсь и что хочу выразить.

Вместе с тем я смею думать, что мои мысли имеют некоторый общественный интерес. Если бы я думал иначе, то не взялся бы за перо после почти 25-летнего молчания.

Сейчас мне 82 года, и это значит, что в течение 60 лет я был сознательным свидетелем великих событий нашей эпохи. Но не только свидетелем, а в некоторой степени и участником в политической жизни России, принимая во внимание, что в 1907 году я был избран в Российский парламент, иначе сказать, в Государственную думу, членом которой состоял до 1917 года включительно.

Государственной думе предшествовала война с Японией. Я разделял мнение той части общественности, которая была против наших «дальневосточных авантюр». Но когда война все же разразилась, мы стали энергично бороться с теми, кто в поражении России видел залог либеральных реформ. Это направление называло себя «Освободительным движением». В борьбе с самодержавием оно объединилось с революционными

течениями, требовавшими не конституции, а свержения монархии вообще. На развалинах последней предполагалось построить социалистическое государство.

Открытая революция разразилась в 1905 году. Крутыми мерами правительство подавило восстание. Затем пришел к власти новый премьер — Столыпин, которого в Государственной думе я убежденно поддерживал, оставшись его почитателем и после его смерти.

* *
*

В течение войны 1914—1918 годов в Государственной думе произошли значительные сдвиги. Перед лицом врага ожесточенные политические противники, т. е. кадеты и более правые группировки, заключили перемирие «во имя победы». Образовался так называемый «прогрессивный блок» из шести фракций. По вопросу о назначении министров «с согласия Государственной думы» у последней произошел конфликт с короной. Это столкновение кончилось Февральской революцией 1917 года.

Фракция, к которой я принадлежал, вошла в состав «прогрессивного блока», и судьбе было угодно, чтобы именно я принял отречение от престола императора Николая II 2 марта 1917 года. А на следующий день я присутствовал при отказе принять престол со стороны брата отрекшегося государя, великого князя Михаила Александровича. Последнего я только что, т. е. утром этого дня, провозгласил новым императором под именем Михаила II.

Так было, хотя я принадлежал к числу тех монархистов, что глубоко сочувствовали Николаю II, понимая безысходную трагичность его положения (обстоятельства отречения двух императоров описаны мною в книге «Дни»).

Затем наступила эпоха Временного правительства, обычно называемого правительством Керенского. Последнего мы поддерживали. Нашу тогдашнюю психику ярко выразил Родзянко, председатель Государственной думы, в формуле РСРС:

— Рубашку снимите, Россию спасите!

Менее красочно, но то же самое, сказал и я на одном собрании членов Государственной думы. В данном случае я обратился к социалистам с такими словами:

— Мы предпочитаем быть нищими, но нищими в своей стране. Если вы можете нам сохранить эту страну и спасти ее, раздевайте нас, мы об этом плакать не будем.

Я упоминаю об этом потому, что на это выступление отозвался Ленин в газете «Правда» 19 мая 1917 года в таких словах: «Не запугивайте, г. Шульгин! Даже когда *мы* будем у власти, мы вас не «разденем», а обеспечим вам хорошую одежду и хорошую пищу, на условии работы, вполне вам подсильной и привычной!»

Ленин не досказал, но из его слов в газете «Правда» я с очевидностью понял нижеследующее. Надо бы продолжить фразу Ленина так: «Мы вас не разденем, а обеспечим вам хорошую одежду и хорошую пищу на условии работы, вполне вам посильной и привычной в том случае, если вы будете работать с нами, или по крайней мере будете лояльны по отношению к Советской власти». Но мы объявили Ленину войну.

* *
*

Наступила Октябрьская революция. На нее, как сказано выше, мы ответили, взявшись за оружие. Мы— это казаки, восставшие почти поголовно; часть офицеров, с которых сорвали погоны, и часть интеллигенции, не стерпевшей позора Брестского мира, по которому Германии был отдан весь юг России. Но если бы до нас своевременно дошло, что Ленин, подписавший этот мир от лица России, сам назвал его «гнусным» и «архитяжким», если бы мы достаточно поняли значение таких определений, то, может быть, гражданская война получила бы некое иное обоснование.

* *
*

Я был в числе основателей Добровольческой (белой) армии в ноябре 1917 года. Я помогал по мере своих сил генералам Алексееву, Деникину, Врангелю.

Когда война кончилась, я очутился в эмиграции и там написал книгу «1920-й год». В ней я высказал свое мнение, почему белые проиграли войну. Эта книга, по-видимому, по личному желанию Ленина была перепечатана в Советском Союзе.

* *
*

В 1925—1926 годах мне удалось проникнуть нелегально в Советскую Россию и вернуться в эмиграцию. По возвращении я написал о своем путешествии книгу под заглавием «Три столицы».

Основная мысль этой книги в том, что, несмотря на все перенесенные испытания, «Россия жива». По этой причине при переводе на французский язык издатель предложил изменить заглавие «Три столицы», не звучавшее, по его мнению, для французского читателя, на заглавие «Возрождение России», что и было мной принято. Но вместе с тем эта книга была полна резких и даже просто грубых выпадов против Ленина. Об этом я сейчас сожалею.

* *
*

Необходимо вспомнить еще одно обстоятельство. Молодые люди, состоявшие тогда в различных эмигрантских организациях, мечтали о проникновении в Россию, на свою родину. Мне же удалось, как это уже рассказано выше, на грани 1925—1926 годов совершить нелегальное путешествие по России и вернуться в эмиграцию. Человек, побывавший в России, был окружен известным ореолом в глазах молодежи, но не в моих собственных глазах.

Дело в следующем. В 1927 году открылось, что «тайное» мое путешествие по России было от начала до конца известно соответствующим органам Советской власти. Причины, почему меня не задержали, мне не совсем ясны и по сей день. Но тогда, в 1927 году, я счел себя одураченным политиком и имел великое желание совсем и навсегда сойти с политической арены. И только в 1937 году я покончил с политикой. В каче-

стве совершенно частного человека находился в одном городке Югославии, где и пережил вторую мировую войну.

Югославия была оккупирована немцами под видом независимой Хорватии. Мне удалось не поклониться Гитлеру. Его теория о том, что немецкая раса, как сероглазая, призвана повелевать над людьми с темными глазами, казалась мне непостижимо нелепой. И в особенности потому, что нелогичный этот расист начал истреблять сероглазых же, т. е. англосаксов, норвежцев, чехов, поляков и русских.

О делах же нацистов я мог судить, наблюдая, с какой жестокостью их подручные, хорватские усташи, преследовали сербов. Стены городка, где я жил, неоднократно покрывались объявлениями с перечислением казненных по имени и фамилии. При этом соблюдался такой расчет: за каждого убитого или раненого немца или хорвата расстреливалось 10 сербов. Эти десятки брались из числа совершенно ни в чем не повинных людей, сидевших в тюрьмах как «заложники».

О моральных издевательствах, которые переносили сербы, я заключал по одной статье, напечатанной в столичной (город Загреб) хорватской газете. Там некий фельетонист писал примерно так:

«В некоторых отношениях наша речь сейчас упростилась. Раньше о дурных людях надо было нанизывать много слов, чтобы сделать точную их характеристику. Например: убийца, грабитель, вор, мошенник, негодяй и т. п. Сейчас достаточно сказать два слова: он серб! И все будет ясно и точно».

К сожалению, у меня не хватило мужества протестовать против всего этого громогласно, публично. Да и средства для этого не было. Ни одна газета не напечатала бы моей статьи. Я мог бы только войти в застенок усташей и крикнуть палачам в лицо то, что я о них думаю. Но это было бы самоубийством некоего героического комара, о каковом великолепном акте никто бы и не узнал. Я воздержался, поэтому в герои и не гожусь.

Вам известно, быть может, что Советская Армия, освободившая Югославию от гитлеровцев и усташей,

вошла в городок, где я жил, в октябре 1944 года. В январе 1945 года я был препровожден в Москву и после длительного следствия присужден к продолжительному заключению. Следствие установило 30-летнюю (1907—1937) мою враждебную коммунизму и антисоветскую деятельность. Суммируя этот материал, прокурор выразился так:

— Ну, это «дела минувших дней».

В этих словах явственно для меня просвечивалась мысль, что 10-летняя давность тоже имеет свои права. Если бы это мнение разделило тогдашнее правосудие, то я, быть может, вышел бы из тюрьмы еще в 1947 году. Этого не случилось. Но в 1956 году я был досрочно освобожден совместно с очень многими другими, освобожденными до и после меня.

Сейчас со времени вынесенного мне приговора прошло 13 лет. Это тоже давность! Многое можно и должно забыть. И во всяком случае было бы неправильно прошлое вменять настоящему, поскольку две эпохи отличаются друг от друга. Произошли великие сдвиги, и именно это есть причина, почему я пишу Вам, друзья мои, настоящее письмо.

* *
*

Судьба русской эмиграции после 1940 года мне мало известна. Часть эмигрантов, по-видимому, примкнула к Гитлеру. Зная общие взгляды и убеждения эмиграции, мне не верится, чтобы примкнувшие к Гитлеру разделяли идеи фюрера и оправдывали его дела. И потому мне неясно, как это все случилось, т. е. что они решились служить расистам, если это было на самом деле. Так как я сам не герой, то я не осуждаю их, но о том, что произошло, глубоко скорблю. Я стараюсь объяснить все это самому себе тем, что в лице Гитлера они увидали сильного противника Советской власти — и только. Они закрыли глаза на то, что видели некоторые. Многие из нас, вероятно, помнят, что примерно в 1935 году в Белград приезжал один эмигрант. Он прочел три лекции в переполненном театре.

Но сущность его многочасовых речей можно сформулировать в нескольких словах, им произнесенных:

— Не за всякую цену мы можем продаваться. Мы не должны присоединяться к тем, кто будет воевать не только с Советской властью, но и с Россией и с русским народом.

Весь русский Белград слышал эти слова. Прискорбно, что их забыли. Я же лично понял смысл мировой войны, когда увидел воочию советских бойцов.

* *
*

Мы, эмигранты, думали примерно так:

— Пусть только будет война! Пусть только дадут русскому народу в руки оружие. Он обернет его против «ненавистной» ему Советской власти. И он свергнет ее!

Но случилось обратное. Получив в руки оружие, русский народ не свергнул Советскую власть. Он собрался вокруг нее и героически умирал в жестоких боях. Наивно думать, что советские бойцы дрались с таким мужеством из страха перед Советской властью. Кто мешал этим людям сдаваться в плен? Были и такие, как известно. Я слышал, что некоторые мои друзья бывали в среде так называемых «власовцев». Этих «власовцев» было ничтожное число, если сравнить их с громадой армии и народа. За что же дрался этот народ, истекая кровью? Для меня это ясно — за Родину!

Из этого стало очевидно, что своей родиной эти люди считают Советский Союз, а Советскую власть считают своей властью.

Этот факт разрушил главный устой эмигрантской идеологии.

Нам могут приписывать все, что угодно, наши враги. Но мы-то сами знаем правду. Лучшая часть русской эмиграции болела за русский народ. Ее мечта была свергнуть Советскую власть. В лице Гитлера эмиграция увидела «освободителя». Я держал в руках открытку с портретом фюрера, под которым была над-

пись по-русски «освободитель». Многие этим соблазнились и заблудились.

У меня глаза открылись. Кого мы хотели освобождать? Тот народ, что умирает за своих «угнетателей»? Я сказал себе:

— Война всегда почиталась великим экзаменом, неким проверочным испытанием народов. Более современным было бы выражение «плебисцит». Вторая мировая война была неким голосованием в отношении Советской власти. Поставлен был вопрос: «Желаете ли вы свержения Советской власти?» Умирая на полях битв, советские люди отвечали:

— Не желаем.

Значит, мы ошиблись. Этот народ не желает «освобождения» из наших рук. Когда я это понял, наши усилия по свержению Советской власти показались мне и трагическими и смешными.

Это то, что я прежде всего хотел сказать. Если эмиграция не сделала вывода из трагического голосования, совершившегося в 1941—1945 годах, и продолжает деятельность, направленную к свержению Советской власти, то это ошибка. Это не нужно тем, для кого она радеет. Оставьте их в покое. Пусть они сами устраивают свою жизнь, как знают. Они не поддержали нас, белых, в 1918—1920 годах, в годы гражданской войны. Они отвергли и уничтожили примкнувшие к Гитлеру эмигрантские батальоны во время второй мировой войны, в 1941—1945. Неужели не довольно? Неужели еще раз, в третий раз, мы, непрошенные, пойдем «освобождать» русский народ? Под чьими знаменами? Аденауэра? Его преемников?

Могут быть голоса из русской эмиграции:

— Зачем вы нам приписываете то, чего у нас и в мыслях нет? Мы не зовем к войне!

Но я отвечу:

— Нет, вы готовите войну, настоящую войну, «горячую» войну, поскольку вы занимаетесь «холодной» в сохранившихся до сих пор антисоветских организациях.

И это потому, что в методы «холодной войны» входит распространение лживых и неверных сведений о

Советском государстве. Это иногда делается и от неведения.

Об этом скажу несколько слов.

* *
*

Мне очень знакома одна эмигрантка, прибывшая в Советский Союз в 1956 году. Когда она собиралась в путь-дорогу, то упаковала шесть чемоданов и одну корзину. В них было все ее убогое имущество, вплоть до умывальных тазов, кастрюль, тарелок, блюдечек, чашек и т. п. Но она серьезно подумывала и о том, что необходимо взять кровать-раскладушку. В последнюю минуту она все же решилась расстаться с раскладушкой, но чемоданы и корзина доехали благополучно, сделав больше тысячи по железной дороге и около 200 километров в автомобиле. На месте, куда она прибыла, ей дали хорошую кровать с никелированными спинками и с мягкими металлическими сетками. Когда она рассказывала о раскладушке, смеялись, но прибавляли:

— Если бы вы приехали 10 лет тому назад, то, может быть, спали бы на полу. После войны было трудно. Однако затем промышленность выбросила на рынок миллионы кроватей, из которых одна — ваша.

Что это значит? Это означает, что эмигрантка в 1956 году питалась старыми сведениями и потому ошибочно мыслила о стране, в которую направлялась. Это пример маленький и смешной, но поучительный, потому что я сообщаю вам не анекдот, а истинное происшествие. Эта эмигрантка — моя жена Мария Дмитриевна.

Такое приключение было 4 года тому назад. Но вот что произошло совсем недавно.

В эмиграции, возможно, знают, что некоторые деятели «холодной войны» послали для проникновения в Советский Союз некоего молодого человека. Его задержали на границе и стали допрашивать. Он не стал запираться, но постоянно повторял следователям:

— Довольно, довольно! Когда к стенке?

Ему, наконец, объяснили, что к стенке его не поставят, а поставят у станка, на заводе, если он придет в себя и поймет, как обстоит дело.

Тогда он сказал:

— Какая это страна? Должно быть, я ошибся границей. Говорят по-русски, но это не Советский Союз. В Советском Союзе ставят к стенке.

Человек явно ошибся. Сейчас иначе. Знать современность обязательно для всех, кто занимается политикой. Из неверных сведений рождаются неправильные поступки.

Случай с наивным человеком, который думал, что ошибся границей, любопытен. Но важнее этого разобрать поступки тех, кто его послал. Верят ли они в то, чем нашпиговали голову своего эмиссара? Если верят, то они плохо осведомлены. Если не верят, то зачем они это делают, т. е. зачем сознательно лгут?

Человек, любящий свою родину, радуется, узнав, что там, в его отечестве, нечто изменилось в лучшую сторону. Но враг думает иначе:

— Чем хуже, тем лучше!

Врагу выгодно не признавать никакого прогресса, это подводит некое моральное основание для нападений.

* *
*

Мне кажется невозможным оставаться на старых рельсах. Надо признать, что наш поезд сошел с пути, поскольку мы призывали свергать Советскую власть.

Свергать Советскую власть не надо. Она есть один из устоев мира. И этим все сказано. Когда смотришь в лицо опасности, грозящей человечеству, то все вопросы, кроме войны и мира, кажутся мелкими. Каждый, кто хочет мира,— друг. Все, кто хотят войны,— враги. Так я чувствую. Лишь бы избежать приближающейся катастрофы, все остальное приложится. «Две системы будут сосуществовать, состязаясь на благо людей в том, кто лучше устроит жизнь на земле. И еще в том, кто полнее овладеет небом, т. е. космосом».

* *
*

Хотят ли мира здесь, в Советском Союзе? Я до сих пор не встретил человека, который хотел бы войны. Насколько я понимаю, в этом отношении Советская власть действительно отражает мысли и чаяния советского народа. Таким образом, в этой плоскости я считаю, что у меня здесь 220 миллионов единомышленников.

А в других отношениях? Я не хотел бы «лакировать» (выражение Н. С. Хрущева) действительность, ни мазать ее одной черной краской. Сказать по чистой совести, трудных вопросов еще достаточно.

Я живу в городе Владимире на Клязьме и притом в районе так называемой Ямской улицы. Здесь еще есть остатки старых усадеб, где жили во время оно ямщики. Люди старше 50-ти лет помнят, как на масленицу или на рождество лихо носились здесь бубенчатые тройки, обгоняя друг друга. Сейчас по асфальтовой дороге несутся бесчисленные машины: троллейбусы, автобусы, грузовики со всякой кладью, легковые машины разных марок, мотоциклы, велосипеды, мотороллеры. Несутся целые вагоны на резинах с надписью «Хлеб», цистерны с молоком, мороженым; площадки с красными газовыми баллонами; площадки, на которых несутся люди стоя, рабочие, работницы, их платочки живописно треплются на ветру. Словом, здесь не то, что оживленное, а просто бурное движение.

Домики, мимо которых мчится бензинная жизнь современности, застроили густо прежние вольготные ямщицкие усадьбы. Они, домики, имеют патриархальный вид, любезный моему устаревшему вкусу. Вокруг окон так называемые наличники, которые представляют из себя как бы кружево из дерева. Но они, домики, электрифицированы в том смысле, что все по вечерам сияют электричеством сквозь старинные занавески и вековечные цветы. В каждом есть радио, во многих телевизор. Очень распространена электрическая плита (рэшо). Появились и газовые кухни.

И тут я должен прибавить об одном, о чем не могу умолчать. Может ли быть высокий уровень жизни там,

где людей заедают клопы? А вот люди известного возраста прекрасно знают, что раньше провинция, а иногда и матушка-Москва страдали от клопов. Теперь клопов нет. И это великое достижение сравнительно недавних дней. Прошу простить мне эту подробность.

Архаичность этих домиков сказывается в том, что в этой части города нет водопровода и канализации. Но они, патриархальные домики, доживают свои последние дни. Скоро и здесь вырастут каменные громады, такие же, которые уже заполнили другие окраины города Владимира. Там есть и водопровод, и ванны, и все прочее.

Строительство старосветских домиков совершается в «индивидуальном порядке», как подсобное, в помощь большому строительству, государственному. Последнее шагает в семиверстных сапогах. И это совершенно необходимо. Жилищная теснота — одна из главных проблем современной Советской России. Это понимают все, и, надо думать, «бисова теснота» будет ликвидирована в обозримом будущем. Когда? Говорят, что через 15 лет будет 15 квадратных метров жилплощади на душу населения. Это достаточно.

* *
*

Бурное нарастание новой жизни, по рассказам, характерно для всех городов Советского Союза. В Москве я был. О Москве написаны целые тома. Я заболел, пытаясь объять необъятное на старости лет, и потому видел меньше, чем хотелось бы. Москва по внешности напоминает большие европейские столицы — Париж, Берлин, Вену. Кремль оберегается любовно вместе с древними храмами, превращенными в музеи. Сокровища Оружейной палаты меня доконали, и я залег в высотной гостинице «Ленинградской». Эта гостиница — роскошный небоскреб, который внутри и снаружи отражает влияние готики. Но я успел побывать в Филях, вошедших в черту города. Там во всей неприкосновенности сохраняется изба, где в 1812 году держал совет Кутузов.

Я был в Большом театре. В августе 1917 года здесь было большое политическое совещание (около 2-х тысяч человек) под председательством Керенского. Здесь говорили генералы Алексеев, Корнилов, Каледин и корифеи тогдашней политики. Выступал и я, многогрешный. Сейчас я в этом театре смотрел новый балет «Бахчисарайский фонтан». Балет превосходен. Большой театр еще лучше, чем был.

В другом театре, в самом Кремле находящемся, я слушал обширную концертную программу. Произвел на меня наибольшее впечатление великолепный хор. Большой хор, быть может, стоголосый. Девушки и молодые люди с великим подъемом и силой восклицали:

— Россия, Россия, Россия — родина моя!

Скажу честно, что интеллигенция моего времени, т. е. до революции, за исключением небольшой группы людей, слушала бы это с насмешливой улыбкой. Да, тогда восхищаться родиной было не в моде; не кто иной, как я сам, очень скорбел об этом.

* *
*

Что еще сказать о Москве? Женщины стали хорошо одеваться. Но это стремление наблюдается во всех городах Советского Союза. Говорят, что и в колхозах происходит то же самое. Позднее я в этом убедился. Пушкин когда-то написал рассказ «Барышня-крестьянка». Быть может, в наши дни из-под пера Александра Сергеевича вылилась бы поэма «Крестьянки-барышни». Стремление масс выбиться на жизненный уровень, который раньше, в дореволюционное время, был доступен только немногим, для меня ясно.

Дореволюционная Россия напоминала океан, из которого торчали к небу немногочисленные острые вершины. Это были выразители русской культуры — Пушкины, Гоголи, Толстые, Достоевские. Последние два светили всему миру. Но дно океана было глубоко под водой. Там таились русские низы, темные и бедные.

Сейчас двинулось вверх самое дно океана. Оно поднялось над волнами и образует огромные острова и

даже материки. Население этих, недавно подводных еще стран хранит печать своего недавнего появления. Вода еще стекает с них. Понятно, что не все ладно при таком грандиозном процессе. Но вода с них стекает быстро.

Но как трудно охватить жизнь в целом. Я слишком долго питался тяжелыми впечатлениями. Я близко наблюдал тех, что попали так или иначе под тяжелые колеса XX века. Это век жесточайших войн, глубочайших социальных потрясений, грандиозных достижений и великих жертв. Теперь я посильно изучаю богатые плоды, выросшие на многопретерпевшем древе. Если бы этих плодов не было, душа человечества могла бы прийти в отчаяние. Но они есть.

* *
*

Я хочу рассказать о Владимирской области. Почему именно о ней? Конечно, я предпочел бы дать очерк во всероссийском масштабе. Но это превышает мои возможности. Силой обстоятельств я попал сюда, а не в другое место. Но выбор, сделанный самой судьбой, неплохой.

Владимирская область, так сказать, средняя. Ее нельзя считать отсталой, но и нельзя назвать передовой. И потому она до известной степени отображает среднее лицо теперешней России. Начнем же с выставки, суммирующей достижения этой области. Она так и называется «Выставка достижений народного хозяйства Владимирской области».

Итак, на днях я был на этой выставке. Моя спутница Мария Дмитриевна, любительница лошадей, предвкушала удовольствие полюбоваться знаменитыми владимирскими рысаками, из которых трое образовали лихую тройку, посланную в дар Сайрусу Итону и поразившую американцев. Но троек на выставке не оказалось. Это была скорее промышленная, чем сельскохозяйственная выставка. Вскоре моя спутница утешилась тем, что увидела на выставке, и на время позабыла о владимирских лихих тройках.

Выставка показала нам такие «сдвиги и смещения», о которых не догадываются эмигранты, 40 лет тому назад покинувшие Россию. Чем был славный древний Владимир на Клязьме в эпоху, предшествовавшую мировой войне 1914 года? Провинциальным городком в 40 тысяч жителей, о котором старожилы и теперь добродушно говорят, что это был город скучный, деревянный и мещанский. Он тихо дремал, вспоминая свое былое величие. Из промышленных предприятий в нем был, кажется, один только свечной завод.

Но тот, кто посетил областную выставку города Владимира, не может не согласиться с тем, что древняя столица Андрея Боголюбского наконец проснулась, встала с печи и начала так работать, как и полагается великим городам земли русской.

То, что представлено на выставке, как продукция Владимира и всей Владимирской области, в первый момент ошарашивает посетителя, который ожидал увидеть легендарные тройки и рукоделия кружевниц. Перед вами проходят павильоны с экспонатами, делающими честь высокоразвитой технике. Мы видели тракторы, машины, технические приспособления для точных работ, станки и готовую продукцию, в которую входит все, начиная от телевизоров и радиоприемников, кончая мотоциклетами, мебелью, текстилем, посудой, хрусталем, предметами ширпотреба.

И не думайте, что это какой-нибудь захудалый провинциальный товар. Нет, есть среди экспонатов вещи, которые сделают честь любой европейской или американской витрине.

Эти произведения Владимира, Мурома, Коврова, Гусь-Хрустального и других как будто никому не известных городов Владимирской области напоминают чем-то былинные достижения Ильи Муромца, спавшего 40 лет на печи, но призванного к жизни, сумевшего и разбойников победить, и татар разбить, и послужить всей Русской земле.

Сравнительно с дореволюционной Россией совершилась великая перемена: глубоко земледельческая страна стала высокопромышленной.

От этого факта никак нельзя отмахнуться. Кто хочет иметь понятие о Советской России нынешних дней, тот обязан хотя бы в пределах своих сил взглянуть в лицо советской промышленности.

* *
*

Когда-то еще до революции и до первой мировой войны я писал в одном журнале примерно так:

— Фабричные рабочие — это класс, на который цивилизация наступила своим лакированным каблуком («Прямой путь», Санкт-Петербург).

Теперь это не так. На первом заводе, который мне удалось осмотреть, каблучки были, может быть, даже они были лакированные, но кого эти каблуки держат под каблучком,— для меня не ясно. А завод этот называется «Автоприбор», находящийся в городе Владимире.

Мне очень любезно были показаны несколько цехов. Вот, например, цех, который считают сравнительно тяжелым. Здесь слегка пахнет какими-то техническими ароматами, не особенно полезными для здоровья. Работающие здесь получают дополнительные отпуска и усиленное питание. Но их здесь очень мало. Живых людей вытесняют автоматы. Эти машины работают сами, бесчувственные к условиям труда. На целый ряд станков приходится один наблюдатель или наблюдательница. Тут происходит цинкование, омеднение, бромирование, кадмирование и еще что-то. Интересно окрашивание деталей.

Работает сильный пульверизатор. Он бросает мельчайшие частицы краски на окрашиваемые детали, которые к пульверизационной трубе подводит машина. Эти частицы с великой добросовестностью окрашивают металл тончайшим ровным слоем. Откуда такая добросовестность у бездушной краски?

В том-то и дело, что она не бездушная. Наука подсмотрела тайные изгибы материи. Эти частицы заряжены электрическим током одного наименования (скажем, положительного), а детали заряжены другого на-

именования (скажем, отрицательного). В силу закона притяжения разноименных электрических зарядов положительные частицы краски яростно стремятся к отрицательным деталям и покрывают их идеально ровным слоем.

Волшебство техники, опирающейся на науку,— и вот кисть маляров, их длительный и тяжелый труд отходит в прошлое.

* *
*

А вот цех более легкий. Мы вошли в хорошо освещенный зал, напоминающий... что он мне напомнил? Сначала мне показалось, что это какой-то дамский салон исполинских размеров. Но почему же все эти тщательно причесанные молодые женщины, сидя за бесконечными столами, оделись в белое, в белые халаты, как будто они медицинский персонал? Может быть, они работают над препаратами? Нет, они работают не над препаратами, а над аппаратами. Это заводские работницы складывают при помощи станков различные детали в приборы, нужные для автомобилей.

Все эти станки безопасны. Но есть один опасный. Под пресс, исполняющий известные операции, надо подложить деталь. Если молодая девушка, подающая эту деталь, замечтается, ее рука будет раздавлена вместе с украшающими ее часиками и колечками. Так бывало. Но теперь это невозможно. Пресс опускается, если на него подействует ток. Ток же подействует только в том случае, если девушка нажмет педали. Педали же две, они справа и слева от работницы. Раз обе руки на педалях, то они никак не могут очутиться под прессом.

Это остроумное приспособление — деталь о работе над деталями. В общем же, работа этого цеха считается сравнительно легкой, здесь 90 процентов работают женщины. По внешнему виду они здоровы, нарядны и даже улыбчаты. Истомленных лиц, которые привычно связываются с понятием о женщинах, работающих на фабриках и заводах, не заметно. Я прошел зал из конца в конец. Если это «рабыни» Советского Союза, как

принято о них говорить в некоторых кругах, то этого «рабства» со стороны не заметно и вряд ли они его ощущают.

Средний заработок их 700 рублей в месяц. Уровень образования: свыше 50 процентов кончили десятилетку (по старым понятиям — гимназию), многие продолжают учиться без отрыва от производства.

...Наступил час обеда. Белые халаты запрудили большую столовую, светлую и чистую. Меню разнообразно, но овощей мало. Обед из 2-х блюд 3—4 рубля; из 3-х — около 5-ти рублей. Если считать на ужин и на какое-нибудь баловство, сладости, еще 5 рублей в день, то работница тратит на пищу 300 рублей в месяц. Комната, если она отводится заводом, дешева, если по найму — дорого.

Лечение бесплатное и притом всяческое. Поликлиник много, и оборудованы они хорошо, разными передовыми приборами. Время от времени работницы получают путевки в дома отдыха по сниженным ценам.

При заводе есть цветочные питомники и оранжереи. Дороги обсажены деревьями.

Есть спортивные площадки. Библиотека. Читальня.

Пока обедали рабочие, мы пили чай там же. Я сказал любезным хозяевам:

— Все, что может сделать машина, вы делали или сделаете. Но как вы справляетесь с тем, чего машина сделать не может?

Меня поняли. И ответ был таков:

— Недавно один рабочий напился и побил работницу. Что с ним делать? Удалить с работы — пропал человек. Созвали общее собрание цеха. И цех решил: на 3 месяца исключить его из цеха. Не желаем, чтобы он был среди нас. Это наши методы борьбы с тем, с чем не может бороться машина.

— Результат?

— Это, вообще говоря, фронт трудный. Зло застарело. Но мы убеждены, что справимся с ним именно в порядке общественного осуждения. Ведь этим воспитывается не только тот, кого осуждают. Но еще больше те, что выносят ему осуждение, ведь совесть-то

есть у человека. Если осуждаешь, то, значит, как бы берешь на себя обязательство и самому не грешить. Не так ли?

* *
*

Теперь поедем на химзавод (т. е. химический завод). Когда мы подъезжали, я предчувствовал ужасы. Но оказалось, что химия перестала быть страшной химерой. Она добрая волшебница.

«Победа» (марка автомобиля) въезжает на территорию завода. Асфальтовые дороги идут вдоль зеленых аллей, еще молодых, но многообещающих. Огромные корпуса цехов, их всех 11, проплывают мимо. Это корпуса уже работающие, но столько же еще строящихся. Завод расширяется, удваивается.

Машина останавливается. 7-этажное здание. В нем больше окон, чем стен. Лифт поднимает на 6-й этаж. Отсюда видна общая картина. Представьте себе театр в 7 ярусов, но без сцены. Представление идет на самих ярусах, которые можно назвать и хорами. Действующие лица — машины, но они как будто даже и не действуют. Недаром же это химзавод. Химические процессы происходят в огромных вместилищах, или котлах. Они как будто залиты накипью серебра. Но это не серебро. Это некая рубашка, назначение которой сохранять тепло котла, а не расходовать его вовне. Без этих рубашек тут было бы, вероятно, очень жарко. На самом деле здесь приятная температура, которую даже врывающееся через все окна солнце не может накалить.

Все эти этажи видны. Но где же люди? Несколько человек можно разглядеть там и сям. Они наблюдают за котлами. В этом их работа. Посеребренные чудовища работают сами.

Управляют этим 7-этажным корпусом три барышни. Мы вошли в комнату, где очень много приборов, напоминающих стенные барометры. Под стеклом движутся стрелки с перьями, и эти перья чертят на разграфленной бумаге некие кривые. По этим кривым можно судить, какая температура, давление, вольтаж, ампераж

и многое другое. Барышни, не выходя из комнаты, знают все, что происходит в 7-этажном здании. Они видят и то, работают ли исправно «исправители». Потому что на каждый прибор имеется автоматический наблюдатель и контролер. Например, скажем, температура задана такая-то, допустим 30 градусов. Если она уклоняется от задания, то автоматический регулятор усилит или уменьшит действие машины, рождающей тепло. Кривая показывает, правильно ли действуют регуляторы. Но за регулятором неотступно следит его дублер, т. е. исправитель исправителя. Если что случилось, то этот второй исправитель вернет первый к порядку.

Таким образом, роль барышень — следить за тем, правильно ли работают автоматы всего корпуса. А в общем в этом 7-этажном корпусе работают со всеми руководителями 15 человек. Непосредственно у приборов стоит всего 6 человек.

Чистота в этом цехе, как в клинике, солнце, как в оранжерее. На непривычного человека действует сильный запах уксуса, основной кислоты, работающей здесь. Но уксус не ядовит, и к запаху его скоро привыкаешь.

Уже 3 года на этом заводе установлен 7-часовой рабочий день. Средний уровень заработной платы, считая легкие и трудные цеха, около 1000 рублей.

* *
*

А что же они делают, эти таинственные автоматы? Они обрабатывают отходы (отбросы) хлопка и при помощи кислот превращают его в белый порошок, имеющий странное свойство. Путем всяческих операций его превращают в полужидкость, напоминающую мед цветом и тягучестью. Для чего этот «мед»?

Совершенно неожиданно его назначение. «Мед» благодаря своей тягучести и способности затвердевать на воздухе превращается в тончайшую нитку, что делается уже на других заводах. Нитка эта имеет вид нитки натурального шелка, но превосходит последнюю качествами. Из этих ниток на ткацких фабриках изго-

товляют так называемые ацетированные материи, побивающие восточные и западные шелка своими качествами. Они еще дороги, но раскупаются. В ближайшее время ожидается сильное снижение цен — это промышленность разворачивается.

Все цеха химического завода работают так или иначе на этот цех, 7-этажный, где делают порошок. Я побывал в 5-этажном цехе «регенерации». Кислоты стоят деньги. Найден способ отработанный уксус и другие жидкости возрождать к новой работе. В этом цехе отчаянная сложность из труб всевозможных размеров. Трубы эти стоят вертикально, и в этом лесу было бы невозможно разобраться, но они окрашены в разные цвета, указывающие их назначение. Рабочих тоже почти не видно в этих джунглях, напоминающих бамбуковые заросли тропиков.

Еще я был в одном цехе. Здесь печи. Назначение их — химические процессы, требующие высокой температуры. Это единственные аппараты, где можно увидеть огонь, настоящий огонь, сквозь полуприкрытые небольшие заслонки. Это как в обыкновенной печи. Но в отличие от последней в химической печи бушует огонь белый, температура его от 600 до 1200°. Равнодушный манометр показывает эту зверскую цифру для одной из этих «печей огненных». Он не соображает, что на поверхности солнца всего 6000°, не соображает и не гордится. Но я горжусь, что был в нескольких метрах от земного солнца и не сгорел. Но все же в их соседстве жарко. Однако рабочему, наблюдающему за ними, достаточно только время от времени проверить манометры, затем он отходит в прохладное помещение.

На этом закончился осмотр химического завода. Мы уехали, поблагодарив любезных хозяев.

* *
*

Мне очень хотелось осмотреть Тракторный завод. По имени этого завода называется целая часть города. Завод пущен в ход в 1946 году.

Когда-то Ленин мечтал о ста тысячах тракторов для всей России. Этот завод, Владимирский тракторный, в течение 14 лет своего существования выпустил их 200 тысяч. Он получил Золотую медаль на выставке в Бельгии, и эту именно модель он выпускает сейчас. Она предназначена преимущественно для свеклосахарных плантаций. Но инженеры находят эту модель устарелой и трудятся над новой. Новый трактор будет иметь вместо водяного воздушное охлаждение. Есть страны такие, где воды мало. Она — ценность. Есть страны другие, где вода замерзает. Поэтому преимущество машин с воздушным охлаждением очевидно.

Мы вошли в огромный одноэтажный корпус. Здесь бесконечный ряд автоматов и полуавтоматов. Они обрабатывают разные детали к трактору, в особенности я обратил внимание на шестерни. Их подает сюда кузнечный цех в грубом виде. Введенные в машину шестерни через несколько мгновений выходят преображенными по внешности, а по существу доведенными до необходимой точности. Труд рабочего здесь сводится к тому, чтобы подать машине деталь и принять ее обратно. Это, конечно, утомительно, когда делается часами, но затрата мускульной энергии человеческой мала. Глядя на это, я понял, почему современному рабочему так же необходим спорт, как инженеру и вообще людям умственного труда. Что губит здоровье интеллигента? То, что его тело, его мускулы не работают. Чтобы быть здоровым, надо дать работу телу. На современных заводах рабочий начинает приближаться, работая на автоматах, к людям умственной профессии, он не упражняет своего тела. С другой стороны, для работы на автоматах требуется повышенное развитие. Поэтому инженер и рабочий сближаются и в этом смысле. Обеим категориям нужен спорт. Вот почему правильно, когда молодые люди увлекаются футболом и другими видами спорта, а люди постарше не оставляют и в зрелом возрасте спортивных навыков, и так до преклонных лет.

Этой же цели содействует, когда люди заводов и фабрик увлекаются землей, т. е. садоводством, цветоводством и прочим. Все эти занятия происходят на свежем воздухе и требуют известных физических усилий, не

говоря уже о том, что плоды и овощи являются необходимым противовесом мясной пище, таящей в себе подводные камни.

Но вернемся к шестерням и другим деталям. Закалка их производится с помощью электричества. По деталям пробегает ток, мгновенно накаливающий металл до нужного градуса, и так же деталь мгновенно охлаждается. Автоматы трудятся без устали под наблюдением малого числа людей. Это общая тенденция современной советской техники.

Детали обработаны, трактор начинает собираться. Это происходит на конвейере. В конце конвейера рождается новый трактор. Водитель садится на свое место и запускает мотор. Огромные зубчато-резиновые колеса приходят в движение, и «новорожденный» делает свои первые шаги. На свет появилось новое существо. В сталь еще раз облеклась основная мысль конструктора, когда-то создавшего трактор, и добавочные мысли улучшателей и новаторов.

Я спросил:

— Когда умрет этот «новорожденный младенец»?

— Он проживет несколько лет. Но можно продолжить его жизнь. Колхоз, где он будет работать, потребует от нас возобновить сносившиеся части. Мы пошлем их, и он будет продолжать жить.

— А как часто происходят «роды»?

— Примерно через каждые 20 минут. А теперь позвольте оторвать вас от стали и резины.

* *
*

Мы поехали. Территория завода велика. Дороги хорошо обсажены деревьями. 15-летние тополя дают уже ощутимую тень и прохладу. Но мы покинули их и выехали в поля, тоже принадлежащие Тракторному. Здесь тянутся фруктовые сады разных возрастов. Мы вошли в 10-летний сад. Вишни хорошо уродили в этом году. Ожидается урожай малины. Клубника отходит.

В основу этих садов положен принцип коллектива, пришедшего на помощь индивидуальным усилиям.

Руководство коллективом осуществляется через агрономическое управление. Но каждый рабочий, желающий трудиться лично над землей, получает свой участок. Он его обрабатывает и берет с него плоды. Участок остается за ним даже в том случае, если он перейдет на другой завод здесь, во Владимире, или поблизости. На участках видны маленькие летние домики среди деревьев, где можно проводить часы и дни отдыха.

Наблюдая это, я подумал, что мысль, родившаяся у меня, когда я смотрел на безмускульную работу рабочих у станков, уже осуществилась. Здесь явственна тенденция в какой-то мере вернуть тружеников станка к земле и природе для их пользы и здоровья. Меня это обрадовало. «Лакированный каблук цивилизации», пугавшей меня 50 лет тому назад, будет побежден.

* *
*

Тракторный окружен жилищами рабочих. Государство строит многоэтажные дома, но в индивидуальном порядке вырастают поселки. Это одноэтажные домики в зелени. Обе категории жилищ имеют свои достоинства и недостатки. Главное же в том, что строительство идет быстро и тесноту заменит вольная жизнь в смысле жилищ.

— 15 лет тому назад здесь были пустыри, поля, а теперь...

Это произнес наш любезный хозяин, сопровождавший нас и на тракторные сады.

Разве не правы эти созидатели, что они гордятся трудами рук своих. Надо их понимать. Надо понимать и то, что они чувствительны и даже раздражаются, когда им указывают недочеты. Недочеты кажутся им мелочью в сравнении с тем, что сделано, делается и будет сделано.

По-разному воспринимают жизнь эти строители и те, кто страдает от недочетов. Пусть это мелочи, но обыденная жизнь складывается из мелочей. Советская жизнь настоящих дней необычно пестра. Рядом с величайшими достижениями может быть нехватка в предме-

тах пустячных, но необходимых. Это происходит потому, что жизнь стремительно летит вперед. Те, кто работает на великое, не могут оглядываться на мелочи. Позже, позже! Эту страну подхватил смерч созидания, быть может, они и сами не знают, в чьей они власти. Но нельзя не ценить того, что они в своем творческом вдохновении совершают. Вот что я думал, возвращаясь домой.

Однако мне было суждено еще раз соприкоснуться с Тракторным заводом. На вечер того же дня мы были приглашены посетить клуб этого завода, чтобы увидеть не только, как Тракторный работает, но и как он проводит часы досуга.

Приглашение пришлось на будний день, когда в клубе не было никакого особенного вечера, танцев или концерта. Мы охотно приняли это приглашение и подъехали к клубу к 8 часам вечера. Он помещается в большом импозантном здании с белыми колоннами в новом районе города, каковой так и называется — Тракторный. До последнего времени здесь были пригородные пустыри, они-то теперь превратились в новый город, хорошо распланированный на привладимирских холмах. Улицы озеленены, тротуары и мостовые асфальтированы. Дома многоэтажные, с соблюдением всех требований современного комфорта, т. е. электричество, газ, ванные и прочее.

Здание клуба выстроено и оборудовано «на большую ногу». Вестибюль, лестницы, коридоры, залы, отдельные комнаты для занятий. Тем не менее есть пожелание, и оно принадлежит самому директору этого клуба, который мечтает расширить помещение и достроить, увеличить его ввиду большого развития клубной жизни. Я убедился, что пожелание это правильно, так как был свидетелем того, как одни и те же помещения служат местом занятий то одной, то другой группы художественной самодеятельности рабочих Тракторного завода.

Какой же художественной работой занимается по вечерам рабочая молодежь?

Нам показали зал, в котором попеременно происходят доклады — ученые и литературные. Они сменяются школой танцев. Мы видели комнату, где занимается

подготовлением к своим выступлениям духовой оркестр, но духовой оркестр в этот вечер не работал. Поэтому мы посетили комнату струнного оркестра. В этот вечер играли домбры под баян. Медиатором работали исключительно молодые девушки под руководством такого же молодого дирижера, и это зрелище было трогательное. Они очень мило играли, совсем юные работницы.

Как бы в противовес этому мы видели комнату, где в тот вечер собрались пожилые люди, ветераны труда, состоящие теперь на пенсии, но когда-то много работавшие на Тракторном заводе. Они собрались для обсуждения своих дел, и мы не хотели мешать им. В этой же комнате собирается драматическая группа, которая в этот вечер тоже не работала.

Директору клуба много возни, чтобы приютить все кружки и распределить время. Но он не унывает. Редко можно встретить такого энтузиаста своего дела.

Каково же это дело? Можно ли определить его только организацией вечеров и концертной программой? Или же тут есть нечто большее, чем занять рабочую молодежь в свободное время. Это я подумал, прослушав занятие хора в одной из комнат. Тут, несомненно, происходила работа, напряженная и настойчивая, по достижению вершин, которые уже приближаются к настоящему искусству. Они исполняли романс, всем известный «Однозвучно гремит колокольчик». Разумеется, нам приходилось слышать его в первоклассном исполнении знаменитых хоров. И если мы с великим удовольствием слушали исполнение этого романса группой учеников и учениц завода, изготовляющего тракторы, то, значит, исполнение было превосходным. Замечательно тут то, что здесь не было никаких профессионалов, т. е. тех лиц, которые думают посвятить свою жизнь искусству. Это были просто рабочие и работницы, обнаружившие музыкальные способности. Их нашли, и в руках необычайно талантливого и темпераментно настойчивого руководителя они составляют ценный коллектив в мире искусства.

Тут, может быть, можно сказать несколько слов о том, как представляют себе роль искусства в Советской России. Дело в том, что техника будет освобождать

много времени у людей. Ведь будет достигнут 6- и 5-часовой рабочий день. Что делать в остальное время? Его можно употребить, да простят мне это выражение, на черт знает что, а можно употребить его на дело полезное и приятное. Признано, что искусство облагораживает людей. Но если так, то идея состоит в том, чтобы вовлечь в это облагораживающее занятие весь народ. Профессионалы останутся только в роли руководителей. Конечно, до этого еще далеко, но тенденция интересна.

Показывали нам еще комнату, где в свободное время происходят занятия рисования. На столе величественно возвышается Аполлон Бельведерский во всей своей античной красоте. Но кроме этих классических занятий молодежь захватывают и современные темы; и некоторые пейзажи, исполненные маслом, показались нам интересными.

После изобразительных искусств мы обратились к той отрасли, которой в древнее время покровительствовала муза Терпсихора, т. е. мы смотрели балет. Балет этот очень занятный, в него вложена мысль. Представлено, как добродетельная кукуруза борется со скверными сорняками. В смысле хореографическом интересно применение топота ног для изображения гнева. Это очень правильно Всем известно, что, когда человек очень рассердится, он топает ногами. Здесь это облечено в форму красивого танца, причем, конечно, побеждает добродетельная кукуруза, за которой стоит колхозница, апофеоз — ее торжество.

Что разуметь под сорняками? Многое. Быть может, даже нечто совершенно неожиданное. По вечерам довольно поздно по этой же улице М. Горького гуляют молодые люди и молодые девушки. Причем есть парни, которых в последнее время стали называть «стилягами». Что такое «стиляга»? Это юноша, который весь смысл своей жизни видит в том, чтобы одеваться по последней моде, т. е. стильно. В этом желании хорошо одеваться еще нет ничего предосудительного. Но все в меру и не до бесчувствия. Когда переходится некоторая грань, то «стиляги» переходят в «сорняки».

Пробыв два часа в клубе Тракторного завода, поблагодарив любезных хозяев, мы уехали, унося интересные впечатления.

* *
*

Какое явление в Советском Союзе можно поставить вровень с бурно развивающейся промышленностью? Конечно, колхозы. Человек, не видевший колхоза, вообще не должен говорить о Советской России.

Итак, мы поехали в колхоз, название которого «Знамя Октября», это километров десять от Владимира. Я приехал туда в сопровождении моих друзей и провел в нем около пяти часов. Мне предоставили полную возможность все осмотреть, что только поддается осмотру за такое короткое время. Принимая во внимание мой возраст, меня возили на автомобиле по территории колхоза, а давал мне объяснения того, что там делается, сам председатель колхоза, человек не первой молодости, но бодрый, хорошо сохранившийся и очень обходительный.

Сначала я расспросил его о численном составе колхоза. Оказалось, что это «укрупненный» колхоз, т. е. составленный из нескольких небольших, какие часто встречаются во Владимирской области. Центральный орган колхоза находится в деревне в 800 человек, а в общей сложности (со всеми остальными деревушками, входящими в состав этого колхоза) его численность равна 1400 человек.

Мы въехали в деревню по хорошо мощенной дороге и увидели по обеим сторонам широкой улицы, обсаженной рядами молодых лип и тополей, типично великорусские избы, хорошо построенные. Никаких избушек на курьих ножках... Бревенчатые постройки в 3—4 окна на улицу с наличниками возведены на высоких фундаментах и производят солидное впечатление, скажу больше — зажиточное. Ни грязи, ни мусора на улице, ни валяющейся соломы почему-то я не увидел...

Мы доехали до широкой площади, вокруг которой воздвигнуты большие сельскохозяйственные постройки. Когда-то в недавнем прошлом эта площадь была низи-

ной за деревней, заливаемая водой от дождей, и представляла собой непроезжее болото. Эту низину повысили, заровняли, замостили, и она теперь является хозяйственным центром колхоза.

С одной стороны площади стоит большое новое здание свинарни, и его мы осмотрели в первую голову. При здании — огромный загороженный двор, где проводит свои досуги под открытым небом молодое поколение свиней, гуляя и развлекаясь по-своему. В закрытом помещении мы посетили кухню для свиней, где в огромных чанах, обогреваемых газом, приготовляется необходимая для этих животных пища. В другом, еще большем отделении находятся взрослые свиньи — розовые, толстые, чистые, но уже кончающие свои дни на земле. В помещениях чисто, ни гнусного запаха, ни отталкивающего уродства, связанного в представлении людей с жизнью свиней. Происходит это, конечно, потому, что этой фермой заведуют животноводы, которые ее организовали и ведут согласно требованиям современного животноводства, недоступного для единоличника, имеющего в своем распоряжении хлев в конце двора, который испускает в летнюю жару мучительный запах.

Далее мы увидели огромное здание конюшни, в которой содержатся лошади, и не какие-нибудь захудалые, малорослые, как это бывало в крестьянских хозяйствах, а великолепные владимирские тяжеловозы и рысаки. Моя спутница, которая на Владимирской выставке достижений сокрушалась, что не видит там рысаков, увидела их в Сновицах, где расположен колхоз «Знамя Октября». Но не только увидела. Подвигами одного из последних, трехлетнего жеребца, еще необъезженного, мы полюбовались с некоторым страхом: он выбросил наземь с помощью «свечек» и «козла» колхозника, его объезжавшего на небольшом шарабане, но подчинился другому могучему парню, который объявил, что к этому жеребцу «надо иметь подход», и укрощенный опытной рукой молодой «Памир» помчался, как молния, по деревенской улице, уже не пытаясь освободиться от раздражавшей его упряжи и повозки.

Нам показали тяжеловозов, из которых один на сельскохозяйственной выставке в Москве потянул груз

в 14 тонн на протяжении 17 метров. Эти богатыри-кони отличаются изящным сложением, несмотря на свою крупность и силу.

Лошади оказались необходимыми для нужд сельского хозяйства, несмотря на то что почти все полевые работы в этом колхозе производятся механической тягой. Наличие лошадей полезно для колхоза, а потому лошадь не сдана в архив, а выращивается и распространяется в сельском хозяйстве, причем не какая-нибудь выродившаяся, а первоклассного качества.

Из конюшен мы отправились в коровник. Стадо было на выгоне, однако как оно помещается «у себя дома», мы видели. Это — три огромных здания, хорошо освещенных, в которых проведен водопровод; помещения чистые, хорошо проветренные, пол выложен плитками, но слегка темноватыми, для того чтобы в этих залах устроить, скажем, собрание. Для водопоя многочисленных жителей этого дома здесь применяется одно любопытное новшество: возле каждого стойла на столбе прикреплен сосуд в форме глубокой миски, сообщающийся с водопроводом, а в этой миске находится приспособление, чтобы пустить воду. Как только корова полезет мордой в миску, чтобы напиться, она прижимает это приспособление, и в миску тотчас же льется свежая вода из водопровода. Когда она вволю напьется, она поднимает голову, и тотчас же поступление воды в миску прекращается.

Этим способом достигается сокращение потребления воды, чистота помещения и экономия труда. Нам показали, кроме того, новостроящийся корпус для дойки коров. Доение коров в этом колхозе производится пока еще вручную, но вскоре будет механизировано при помощи электрических доилок.

Колхоз, который я осматривал, был скотоводческий и зерновой. Производит он главным образом пшеницу на хорошо удобренных полях, применяя навоз из своих скотоводческих ферм. Поля обрабатываются по 7-польной системе механической тягой — тракторами, комбайнами и другими сельскохозяйственными машинами, имеющимися в распоряжении колхоза. Кроме большого поголовья скота — лошадей, коров, овец, свиней — в кол-

хозе имеется одна курьезная отрасль животноводства — ферма, или, вернее, зверинец, где выращиваются сибирские чернобурые лисицы. Шкуры их высоко ценятся, как пушнина. Мы посетили и этот зверинец и познакомились с заведующим, который его ведет и знает обращение с лисами.

Но наибольшее удовольствие доставил нам осмотр огромного фруктового сада площадью в 70 гектаров, на которых стройными рядами стоят вишневые деревья и яблони всевозможных сортов, какие только допускает климат Владимирской области, начиная от ценного «белого налива», кончая распространенной «антоновкой». Деревья эти 15-летнего возраста, содержатся прекрасно и дают обильные урожаи. Между рядами фруктовых деревьев зеленым ковром, или, вернее, широкими дорожками, расстилаются насаждения клубники. Нас угостили клубникой, которая была зрелой, и ее собирали в большие решета. Сорт «комсомолка» и «ульяновка» — ягоды несколько мельче, чем они бывают в южных краях, но зато очень вкусны и сочны.

В конце затянувшейся прогулки председатель колхоза предложил мне посетить главную контору, чтобы немного отдохнуть. Я осмотрел помещения главной конторы, посетил канцелярии, в которых совершается делопроизводство этого большого сельскохозяйственного организма, познакомился со служащими, там работающими, и мне пришло в голову, что эти канцелярии, бухгалтерии и люди, в них работающие, своим внешним видом ничем не отличаются от городских канцелярий и служащих различных предприятий, работающих в городе.

Затем меня пригласили зайти в комнату, где происходят собрания правления колхоза. Там стоял длинный стол, на котором нам приготовили закусить теми продуктами, которые производят в колхозе. И мы вкусили всевозможные кушанья — белый хлеб, булочки, пирожки, свежее сливочное масло с колхозной фермы, яйца — от птицеводческой, овощной салат из овощей, произрастающих на здешнем огороде. Всего было много, все было вкусное, свежее, хорошего качества, а всю эту аппетитную деревенскую еду мы запили чаем у само-

вара, который нам напоминал, где мы находимся, в какой стране, потому что обстановка этой большой комнаты и сервировка стола, а также красивые обои на стенах, кружевные занавески на окнах, люстра под потолком — все это напоминало не столько старинную великорусскую деревню, сколько столовую в каком-нибудь курортном городе.

* *
*

Но самое интересное ожидало меня впереди. Когда мы отдохнули за столом после длительных прогулок по колхозу, председатель предложил нам войти в любую избу и посмотреть своими глазами, как живут теперь колхозники. Я воспользовался этим предложением и вошел в одну из изб на главной улице.

Я уселся на диване в большой горнице, которая выходила двумя окнами на улицу. Оглядывал обстановку. Мебель, конечно, мертвая вещь, но как она иногда умеет выразительно сказать свое слово.

Прежде всего стало ясно, что поэтическая «лучинушка», о которой часто упоминается в народных песнях, равно как сменившие ее керосинки, отжили свой век. Избы, хозяйственные постройки, словом, все здания в колхозе освещаются электричеством. А в этой комнате, где мы находились, к потолку была привешена красивая люстра. А сам потолок? Он бревенчатый, закоптелый? Нет, он белый, гладкий, а к тому же украшен чем-то вроде лепного узора, скромного, но приятного рисунка. Комнату украшал и телевизор.

Диван был пружинный, сидеть было удобно. Печь стояла почти посередине комнаты в виде колонки, доходившей до потолка, что, между прочим, очень разумно в смысле отопления. За печью была спальня хозяев. Там стояли две широкие пружинные кровати с никелированными спинками. Белоснежные покрывала и кружевные накидушки. На стене — за постелями — большой красивый плюшевый ковер.

Я бегло осмотрел все это. Но моя спутница проявила большое внимание, наблюдательность и интерес. Ее привлек высокий буфет с посудой и большое зеркало-трюмо.

И еще было зеркало трехстворчатое — трельяж. Между прочим, я тоже посмотрелся в это зеркало. Эти зеркала хорошие, отличной шлифовки, прямые, честные зеркала. Они сказали мне правду о том, что я уже не старик, а старец. Но я подумал не об этом, а о том, что рядом с честными зеркалами бывают и кривые зеркала, которые искажают действительность, и что таковых особенно много в политике.

Моя спутница обратила внимание, что стол покрыт вышитой скатертью и что на ней изящная фарфоровая пепельница с золотым рисунком. Она взяла ее в руки, чтобы рассмотреть поближе.

— Это из Ленинграда,— тихонько сказала хозяйка дома.— Я там ее купила.

На пепельнице было выпуклое изображение одного из четырех коней, стоящих на Аничковом мосту, известная скульптура Клодта. Они — моя спутница и хозяйка — стали говорить между собой. Это была молодая женщина с типично русским лицом, миловидная блондинка. Одета она была со вкусом, по-городски. В ней невозможно было угадать крестьянку небольшой великорусской деревни, если бы я познакомился с нею где-нибудь в городе. Манеры, мимика, одежда говорили за то, что это культурная женщина. Но она была все же самая настоящая крестьянка, родилась в этой деревне и дочь крестьянина. Она кончила тут школу и после школы уехала в город продолжать образование в институте. Она хотела быть учительницей в родном селе, в той самой школе, где училась. Но этому помешала болезнь голосовых связок. Преподавать она не смогла, но все же вернулась в родной колхоз, получила там работу в канцелярии правления. Ее муж тоже крестьянин этой деревни, потерял ногу на войне. Работать в поле он больше не мог и работает теперь на электрической пиле. Хорошо зарабатывает и получает инвалидную пенсию. У них дочь, молодая девушка, кончающая сельскую школу. Живут в своем доме. Ничего, все у них пока благополучно.

* *
*

Знать, что будут на Руси и такие колхозы, было бы нам полезно, когда мы в эмиграции рассуждали о колхозах вообще. Но надо принять во внимание и то, что в 30-х годах таких колхозников и колхозниц в этой деревне еще не было. Председатель колхоза рассказал нам, что его колхоз пережил в прошлом печальные дни, было время, когда он был накануне развала, что-то, наконец, даже развалилось и отделилось от главного ядра. Потом опять спаялись воедино, люди поняли, что им легче и жить, и работать сообща, чем порознь. Таких условий жизни, такого заработка, такого усовершенствования хозяйства они не могли бы достигнуть, работая единолично на неособенно плодородной владимирской земле, требующей хорошего удобрения. Удобрения здесь, в этом колхозе, много благодаря большому поголовью скота.

Теперешний заработок колхозника или колхозницы не ниже, а часто выше заработков служащих и рабочих в городских предприятиях. Свою зарплату они получают авансом в зависимости от выполняемой работы, почему они заинтересованы выполнять ее как можно лучше. Есть несколько категорий в смысле оплаты труда. В конце года при окончательном подсчете доходов колхоза они получают добавочное вознаграждение, если колхоз ведется хозяйственно и рационально.

Когда-то мужчины из этой деревни уходили «в отхожий промысел». Не на что было прокормиться семье. Они организовывались в артели каменщиков, плотников, маляров, уходили на строительные работы в город, но осенью возвращались ни с чем, «с рублем», как говорилось, проев и прожив в городе все свои заработки. В деревне оставались женщины, дети и старики, которые жалко ковыряли неблагодарную землю. Была беда.

А теперь? Теперь земля начала благодарить за организованный труд и удобрение. Жизнь пошла по-новому.

И если этим людям, я имею в виду колхозников, еще чего-нибудь да хочется от жизни, то только не того, чтобы уйти из хорошо поставленного и дающего доход

колхоза, который обеспечивает им человеческие условия жизни и материальное благосостояние.

* *
*

Все это я рассказываю в память о наших беседах и суждениях в эмиграции. Рассказываю для того, чтобы русские эмигранты узнали кое-что новое и, может быть, стали и думать по-новому.

Теперь я перехожу к выводам, к заключению.

Общее положение в мире мне кажется ясно. Но если оно ясно, то ясно и то, что нам надо делать, если мы хотим сами спастись и спасти других. Не Советскую власть надо свергать, друзья мои,— она борется за мир. Надо отвергнуть и низвергнуть самую мысль о войне. Она страшна, как та античная медуза, которой никто не мог взглянуть в глаза и не умереть. Она — наш истинный враг.

Быть может, скажут:

— То, что вы говорите, Шульгин, твердят коммунисты. Не стали ли вы одним из них?

Правда, что это «твердят коммунисты». Я сожалею, что ведущую роль в этом деле играют они, а не их противники, т. е. антикоммунисты. Но неужели только потому, что коммунисты высказывают мысли, которые я разделяю, я должен им возражать? Это было бы нелепо! До сих пор я не мог высказаться. Но теперь, когда эта возможность мне дана, не обязан ли я говорить?

Некогда мы мыслили почти одинаково. С тем, что мы считали злом, мы боролись. Но если зло явственно переменило свое место? Неужели мы будем колотить попрежнему по пространству, которое как-никак наша Родина.

Но я не стал коммунистом. Прожив долгую жизнь, я пришел к мысли, что всему свой черед.

Коммунисты свершат то, что им положено свершить. Дисциплинированный коллектив, пользующийся достижениями науки, техники и поддержкой своего народа, способен дать людям высокий уровень жизни. Мне кажется, это доказано.

Но я не стал коммунистом. Наоборот, мне приходилось спорить с коммунистами и даже иногда ожесточенно. Я думаю, что на это следует обратить внимание, т. е. на мои споры с коммунистами. Самая возможность этого, мне кажется, превышает по своему значению многое из того, что я до сих пор сказал.

В конце концов в результате этих споров стороны (если возможно называть меня стороной) пришли к согласному заключению. Никита Сергеевич Хрущев был прав, когда говорил:

— Не надо говорить о том, что разделяет, надо говорить о том, что объединяет.

Что же разделяет, а что объединяет?

Разделяет прошлое. Не надо говорить о прошлом! Человек, который все потерял, не может чувствовать так же, как тот, что все приобрел. Может, впрочем, в том случае, если он святой. Святой, теряя все земное, приобретает царство небесное. Но я не святой. Я человек обыкновенный. Быть может, именно таких, как я, имел в виду Ленин, когда он говорил: быт творит сознание [1].

Я могу примириться и даже примирился с происшедшим. Я искренне не желаю возвращения того, что отвергнуто жизнью. Это перевернутая страница истории. Но на этой перевернутой странице было написано мое маленькое человеческое счастье. Могу ли я, похоронив прошлое, отречься от него? Это была бы с моей стороны черная неблагодарность.

С другой стороны, те, кто занимает сейчас высоты, естественно, мыслят иначе. Если бы революции не было, то они и миллионы таких же, как они, быть может, проводили бы жизнь в бедности и горе. Совершенно естественно и справедливо, если они так думают, но и для меня натурально, чтобы я думал о прошлом не так, как они. И потому не надо говорить о прошлом — оно разделяет.

Но не надо говорить и о будущем. И оно нас разделяет. Грядущий рай на земле мы мыслим не в одинаковых очертаниях. Коммунисты мечтают о том, чтобы, сде-

---

[1] Так у автора — В. В. Шульгина (Примечание ред.).

лав все возможное на земле, овладеть небом. Я же, смотря в глаза космосу, думаю о том, что бессмертна не только материя, но и человеческая душа. И мечтаю о времени, когда и коммунисты с этим согласятся. Не надо говорить о будущем.

Что же объединяет? Объединяет настоящее. Пусть меня спросят в упор:

— То, что делают коммунисты, полезно ли для людей?

Я отвечу без уверток:

— То, что делают коммунисты в настоящее время, т. е. во второй половине XX века, не только полезно, но и совершенно необходимо для 220-миллионного народа, который они за собой ведут. Мало того, оно спасительно для всего человечества, они отстаивают мир во всем мире.

Почему я думаю, что деятельность коммунистов на внутреннем фронте необходима, я посильно рассказал. Что же касается международного положения, то я не только не забыл, наоборот, напоминаю то, что было еще совсем недавно.

* *
*

Клич «Мир всему миру» вырвался из уст коммунистов. Они нашли и вдохновенные слова, зажигающие массы, нашли и людей, которые умеют разговаривать с правителями. Они выдвинули на мировую арену замечательного человека. Из страны в страну он носится по воздуху, но, спускаясь с неба на землю, говорит ей, земле, вполне земные речи. Речи эти исполнены высочайшего значения.

Этот человек обладает несравненным искусством говорить языком, понятным народам, и, кроме того, великим бесстрашием. Он проповедует всему земному шару братство всех людей. Он зовет к сближению всех племен и народов. Он стремится внушить людям разных настроений взаимную терпимость, в том числе он призывает и коммунистов и некоммунистов понять друг друга.

В Индии, в Калькутте, ему был подан адрес от жителей этого города. Там было сказано:

«Индия верит в наибольшую свободу индивидуума потому, что она считает, что только в таком случае можно достичь полного развития личности. Однако Индия также понимает, что могут быть и различные страны с другими системами и идеалами. Терпимость является ключом индийской культуры. Правда одна, но дороги, ведущие к ней, различны».

На это человек, о котором я говорю, ответил 26 ноября 1955 года в городе Бангалоре в Индии:

— Вы можете по-разному относиться к нашим идеям. У нас с вами может быть разное понимание ряда вопросов. Вы сами выбирайте свой путь развития, какой вам больше нравится. Мы вам в этом не только не будем мешать, а будем помогать в ваших добрых делах, направленных на развитие страны, на пользу вашего благородного и великого народа.

В те дни в Индии многократно повторялось: руссы и хинди — братья! И под этим знаком братства народов советский корабль величественно перелетел через самые высокие горы мира. Так говорил этот человек на Востоке. На Западе он выразился примерно так:

— Вы богаче нас, но мы вас обгоним! Вам не нравится наш образ жизни, а нам не очень по сердцу ваш. Но разве из этого следует, что мы должны враждовать? Разве кто-нибудь может возражать против того, что мы предлагаем вам мирное и честное соперничество? Соперничество в чем? В том, кто из нас устроит более счастливую жизнь своему народу и кто из нас достигнет наибольших результатов в научных открытиях и технических достижениях. Взгляните на это, как на спортивное состязание, если хотите. И вы должны будете признать, что никогда еще не было спорта более благородного.

Человек этот, который вдохновенно призывает всех людей к миролюбию,— Первый секретарь Коммунистической партии, т. е. коммунист из коммунистов, глава их, словом,— это Никита Сергеевич Хрущев.

Золотые слова, им произнесенные, записаны миллионами перьев и не могут быть стерты со страниц истории. Как все большие слова, они вызвали много любви и много ненависти. В ответ на последнее раздались слова резкие и даже угрожающие. Но они не

должны, я верю в это, не смогут затуманить основную линию, которую преследует этот замечательный человек. Мир во всем мире восторжествует.

* *
*

Я — мистик. Мистицизм плохо совместим с материализмом.

И если я призываю эмиграцию помочь коммунистам, борющимся с грозным призраком войны, то не потому, что я почитаю незыблемым их учение, а потому, что в данном деле, т. е. в деле борьбы с войной, мысли их правильны, чувства человеколюбивы и поступки их клонятся к спасению всего человечества.

На этом я кончаю. К сей эпистоле можно отнестись как к совету человека, дожившего до преклонного возраста. Можно рассматривать этот очерк и как осведомление некоего «разведчика», проникшего в Страну Советов несколько дальше границы, как это случается с незадачливыми лазутчиками.

Но правильнее всего будет, если мое обращение к бывшим единомышленникам будет понято как некая исповедь, в которой рассказано, отчего и почему к концу жизни я пришел к мыслям и чувствам, в настоящем письме изложенным.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОДИССЕЯ

(второе открытое письмо к русским эмигрантам)

Более трех тысяч лет тому назад некий грек, испытав всевозможные приключения, вернулся на свою родину, остров Итаку. Он был в отсутствии 20 лет. Его всем известное имя было «многоумный Одиссей».

Что он нашел у себя дома, рассказал один странствующий певец, Гомер по прозванию. Сказания его были записаны и дошли до наших дней.

По какой-то причине в течение столетий педагоги всего мира не находили другого способа воспитывать юношество, кроме нижеследующего. Они заставляли мальчиков и молодых людей изучать мертвый древнегреческий язык, на котором ни один живой народ уже не говорил. А для чего? Для того, чтобы читать Гомера в подлиннике.

Бог им судья! Я прощаю им бесконечные часы, которые мои сверстники и я потратили на изучение «в подлиннике», как бегал «быстроногий Ахиллес», вместо того чтобы самим бегать взапуски. Гомер отнимал у нас здоровье. И все же я на старости лет вспомнил о бедном Одиссее.

Это потому, что мое отсутствие длилось не 20 лет, а, можно сказать, все 40. Однако мои странствования не будет воспевать Гомер наших дней. Я должен «воспеть» себя сам. Но почему? Потому что в сентябре 1960 года я позволил себе обратиться к русской эмиграции с открытым письмом. Последнее требует продолже-

ния. Это продолжение я назвал «Возвращение Одиссея» и вот представляю сие сочинение на суд благосклонному читателю.

Автор

Вступление

В письме к эмиграции, напечатанном в Америке 18/IX—60 г. в газете «Русский Голос», несомненно, есть слабое место, ахиллесова пята, в которую легко пустить полемическую стрелу при желании. А именно:

— Вы видели, Шульгин, одну лишь Владимирскую область, а делаете смелые обобщения для всей Советской России. Допустим, что ваше дифференциальное уравнение верно. Но по какому закону вы его интегрировали?

Считаю такой упрек правильным, хотя мне еще его, кажется, никто не сделал. Я сам себя упрекал и упрекаю; и в такой степени, что судьба и люди пришли мне на помощь. И мне дано было увидеть больше, чем Владимирскую область.

* *
*

Вместе со знакомым литератором мы выехали из Владимира 11 октября прошлого года на машине «Волга». Через 3 часа были в Москве, сделав 180 километров. Когда автострада, строящаяся между Владимиром и Москвой, будет совсем готова, на машине этой же марки можно будет доехать до столицы за 2 часа.

Поезд доставил нас в Киев к 6 часам утра 12 октября, пробежав через Калугу, Брянск, Бахмач за 16 часов. Есть поезд быстрее; курьерский, так называемый «голубой экспресс» доходит до Киева за 9 часов.

Наш скорый поезд нес мягко. Вагоны такой длины, каких раньше не бывало. Все пассажиры имеют целую койку, то есть спальное место. Это бывало и раньше. Россия в отношении комфорта поездов шла далеко впереди Западной Европы. Мы были очень избалованы в этом смысле. И ездить в европейских поездах было для русских чистой мукой. Впрочем, сами французы одну из своих главных магистралей Париж — Лион —

Море (Средиземное) в непереводимой игре слов называли: «Пожалейте несчастных».

Старую русскую традицию усвоила Советская Россия. Купе просторны, удобны. Проводники разносят чай в мельхиоровых подстаканниках, хороший чай с лимоном, хотя в этом поезде нет вагона-ресторана. Радиоволны, несущиеся около 300 000 километров в секунду, смеются над земными расстояниями. Для них поезд, делающий хотя бы сто километров в час, ничем не отличается от неподвижного вагона. Поэтому вы так же слушаете радио в купе, как если бы вы сидели в своей комнате. В известных случаях в некоторых поездах вы можете из своего купе говорить по радиотелефону с друзьями, оставшимися дома или поджидающими вас в отдаленном городе, куда вы едете.

Мы находились в четырехместном купе. Двое попутчиков скоро вышли на остановке, и мы остались вдвоем, уютно закусив добром, закупленным в Москве.

Московские продуктовые магазины представляют любопытное зрелище. Если можно так выразиться, торговля бьет ключом. Однако спрос явственно превышает предложения, почему и образуются очереди. Эти очереди не всегда приятны. Они свидетельствуют о двух явлениях. Первое, что денег у покупателей много. Второе, что удовлетворить их все растущие потребности еще в настоящее время не представляется возможным. Однако можно думать, что то внимание, которое Советская власть обращает на увеличение производства продуктов сельского хозяйства, ставя его центральной проблемой сегодняшнего дня, гарантирует, что эти трудности будут преодолены.

* *
*

Мысли этого рода и всякие другие бежали вместе с вагонами. Под стук колес легко думается. Тем более, что ночь наступила, проводник исполнил свои обязанности — принес чай с лимоном и постелил удобные диваны. В окнах пропал однообразный пейзаж русской равнины. В темноте иногда проходили ярко освещенные станции, новые, солидной постройки.

Яркие огни на мгновение отвлекали от дум; но темнота возвращала их снова. Беспорядочные, разрозненные мысли утихомиривались плавным ритмом колес и в конце концов сосредоточивались на одном предмете. На моем послании к русской эмиграции, появившемся в Америке 18 сентября. Еще не прошло месяца с этого дня. Кроме сочувственного отзыва газеты, его поместившей, резонанса еще нет. Каков он будет? Будет ли он вообще? Или:

«...Оно умрет, как звук
печальный
Волны, плеснувшей
в берег дальний...»

Дальний, заокеанский...

Опережая события, мысли рисовали перспективы, возможности. Поймут? Или распнут?

Наконец я устал и заснул.

Но проснулся задолго до Киева. Волнение ожидания. Я не был здесь 35 лет. Открыл окно и старался что-то увидеть во мраке. Но ночь была еще черна.

Начало светлеть. В полутемноте стал угадываться Днепр: поезд громыхал на мосту. Я искал вдали ленту фонарей, которые должны были обозначать другой мост, хорошо мне знакомый, Цепной мост. Но я его не нашел. Война его унесла. Затем надвинулись черные горы. Они на время поглотили нас, и, наконец, поезд остановился у ярко освещенного вокзала.

Размышления

В 9 часов утра я вышел на балкон многоэтажной гостиницы, называемой «Украина». Красота! Солнце освещало «прозрачных тополей листы» (Пушкин). Они были цвета, как и должны быть в Киеве в первой половине октября. Зелень уступала золоту. Они, тополя, стояли ряд в ряд; строй уже прекрасный, но еще больше обещающий. Это не топольки-дети; это сильные юноши. Им еще полвека впереди. Тополь хорош во всех возрастах. Эти молодые, пришедшие на смену старикам, еще помнящие генерал-губернатора Бибикова, доживут до 2000 года.

Когда я любуюсь красотой жизни, я всегда одновременно ощущаю атомную смерть, витающую в наши дни над всей землей: над улицами, над площадями, над бульварами. Этот бульвар, что перед моими глазами, бывший Бибиковский, называется сейчас бульвар Тараса Шевченко. На смену павшим тополям здесь выращены молодые, такие же прекрасные.

Важно, что удачная мысль высадить красивую длинную аллею одними пирамидальными тополями воспринята новыми созидателями нового Киева; воспринята и любовно сохранена, и не только сохранена, но и улучшена. Бульвар асфальтирован, поэтому не боится капризов погоды, как было ранее, и окаймлен красивой решеткой.

За строем тополей с моего балкона виднелись многоэтажные дома. Это не тоскливые каменные коробки с дырками (окнами) вместо украшений. Здесь, показалось мне, работала рука инженера, что-то ощущавшего в сердце своем. Что именно? Любовь к своему родному городу! Позже я понял, что это чувство как бы витает над всем Киевом. Здесь при стройке каменных громад музы боролись за красоту. Кто были эти вдохновенные созидатели? Кто бы они ни были, но они заслуживают благодарность потомков.

* *
*

Спустившись на улицу, я завернул за угол бульвара Тараса Шевченко и попал на бывшую Б. Васильковскую. Ее трудно узнать. Сейчас это нарядная улица с высокими домами, большими магазинами. Она недаром стала продолжением Крещатика, главной улицы Киева, с асфальтированной мостовой, оживленным движением автомобилей. Иногда я как будто узнавал старые домики, уцелевшие в ряду новых громад, но их мало.

* *
*

И вот я дошел до улицы, где, может быть, уцелел мой дом. Эта улица называлась Шулявская. Она вела на Шулявку — предместье города.

Примерно в 1880-х годах она была переименована в Караваевскую в память врача Караваева, очевидно, почитаемого в Киеве. Сейчас она называется улица Льва Толстого. Великий писатель не имел прямого отношения к бывшей Шулявской — Караваевской, но все же имел. В двух шагах от моего дома был приличный особнячок, принадлежавший де-Толли. В этом особняке несколько лет прожили Кузьминские. Он был видным юристом, председатель суда или палаты. С его сыном Мишкой я был в университете, он был такой же плохой юрист, как и я, но виртуозно играл на балалайке, был учеником знаменитого Андреева. Он бывал у меня, и я однажды аккомпанировал ему «куявяк» Венявского.

Но сам я к Кузьминским не ходил. Я был изумительно глуп в мои молодые годы. Как маньяк, любил природу, а к людям был равнодушен. Ничем я не старался подражать Пушкину, Лермонтову, Байрону, т. е. мировой скорби ни в коей мере не ощущал. К литературе относился презрительно, утверждая, что шум леса выше стихов Пушкина и Днепр несравненно прекраснее, чем гоголевское его описание.

Еще меньше я интересовался кулисами искусства. Поэтому я и не знал, кто такая мать моего Миши Кузьминского. Она была «Наташа Ростова», т. е. она была родная сестра графини Софьи Андреевны, жены Льва Николаевича. С нее писал Толстой Наташу, ту Наташу, которую нынче сценаристы всего мира стараются воскресить на экране. Она была та, которой Фет посвятил стихотворение:

«Сияла ночь,
Луной был полон сад».

Я мог видеть и слышать эту Наташу, мне стоило только сказать:

— Миша, представь меня своей матушке, ведь мы живем рядом.

Но я был глуп и, сверх того, горд и не подумал этого сделать. Даже прославленного соловья я находил awмаломузыкальным свистуном и трещоткой, хотя он вполне принадлежит к природе. Я слушал внутри самого себя таинственный голос, который я называл голубым зву-

ком. И еще слушал балалайку Мишки Кузьминского, пренебрегая несравненной певицей, той Наташей, которая сводила с ума людей, вдохновила гениального писателя и даровитого поэта.

Когда я об этом думаю, оторопь меня берет. Быть может, и сейчас по глупости и гордости я пренебрегаю чем-то главным, что таится в этой стране, и пойму только в том случае, если, прожив 82 года, проживу еще столько же.

Мой дом

Я пошел вправо и вверх по улице Толстого. Мой дом № 5. Вот номера 1, 3... Громады сменили старые прежние домишки, значит, и номер 5? Вероятно. Да. Его нет. Нет и следа. Шестиэтажный стоит на углу улицы Льва Толстого и Кузнечной. Я отошел немного подальше, чтобы с противоположного угла, стоя у решетки уцелевшего парка, увидеть... «перевернутую страницу». Должно быть, я слишком внимательно силился ее прочесть. Какая-то старая женщина спросила меня:

— Кого ищете?

Она могла меня знать и я ее, но мы все равно друг друга не узнали бы.

Я ответил:

— Никого не ищу. А вот очень давно в Киеве не был, так вот смотрю...

Она махнула рукой, сказала:

— Не узнаете Киева? — и пошла своей дорогой.

* *
*

Дом импозантный шестиэтажный. По низу магазины с окнами в виде арок. На самом углу магазин строительных материалов, а по Кузнечной нечто телевизорное. Средний дом. Есть в Киеве много лучше. Я бы хотел, чтобы здесь стояло высотное здание и в нем огромная библиотека; а на самом верху, на 25-м этаже, чтобы был ресторан со стеклянными стенами, оттуда виден был бы Днепр, который «чуден при тихой погоде».

* *
*

Здесь, на бывшей Караваевской, когда-то стоял одноэтажный, деревянный, приличный, но очень скромный особнячок, а перед ним такой же палисадник. Улица была широкая, как и сейчас. Палисадники были перед всеми домами с обеих сторон.

Я сожалею, что они были скромные. Мне сейчас приятно было бы думать, что здесь было буйство роскошной сирени, как, например, на улице Никольско-Ботанической. Но этого не было. Наш дом был слишком «умственным», и некому было заботиться о цветах.

* *
*

По Кузнечной тогда шел молодой бульвар. Молодой! Сейчас каштаны в расцвете. Они старше меня. Эти деревья видели меня, а я их. Узнают ли они меня сейчас? Это по меньшей мере сомнительно, но я их узнаю. Пусть судьба пошлет долгий век тем, что их сберегли, а бульвар приукрасили.

* *
*

Скорблю ли я, что моего домика больше нет? Я мог бы по сему поводу патетически декламировать Пушкина:

«И старый дом, где он
родился,
Где знал и труд, и мирный
сон.
И все, чем в жизни
насладился,
Что добровольно бросил он».

Добровольно? Не совсем. Но об этом сейчас не будем распространяться. Будем говорить о другом.

Скорблю ли я о потере своего скромного домика? Я посмотрел на шестиэтажное существо, стоящее передо мной, и на соседние такие же и решительно ответил самому себе:

— Нет, не скорблю. Не скорблю именно потому, что он был так незначителен.

Я запаздывал против жизни. Если бы я своевременно соорудил на посланной мне земле нечто стоящее, оно и сейчас, быть может, существовало, как живут еще эти общеполезные каштаны.

Доказательство?

Вот оно у меня перед глазами. С первого взгляда мне показалось, что ничего не осталось от прежней нашей усадьбы. Но когда я рассмотрел то, что сейчас стоит на ее месте, то понял, что исчез только угловой деревянный особнячок, в котором я родился и вырос, почему он и был дорог моему сердцу. Но, кроме этого особнячка, в этой усадьбе был выстроен трехэтажный каменный дом с расчетом, что в случае надобности можно будет достроить и четвертый этаж. И я с удивлением увидел, что это именно и случилось. На третий этаж поставили четвертый и примкнули его к новому, шестиэтажному дому так, что эти два дома кажутся одним. Трехэтажный дом не представлял из себя какой-нибудь архитектурной ценности — был приличный, но скучный. Однако так как он принадлежал к постройкам общеполезным и был пощажен войной, то остался, и в нем живут люди. Это меня и обрадовало.

Несколько позднее я получил и еще два доказательства того, что новые события, величественные, но грозные, щадили то, что могло быть полезным для новой жизни.

* *
*

В изложении моей «Одиссеи» мне приходится здесь забегать вперед. Путь мой из Киева лежал прямо на запад. И вот, проехав примерно сто километров, я отыскал некое село, которое раньше называлось Ставки, а теперь носит название Ленино. С этим селом связаны у меня очень давнишние детские воспоминания.

Короче говоря, я был тут последний раз более 70-ти лет тому назад. Там тоже был дом. Большой дом с четырьмя колоннами — маленький дворец. Его когда-то построили некие польские магнаты. Окруженный пар-

ком, ко временам моего детства уже столетним, он был куплен моим дядей, братом моего отчима.

Я должен сказать два слова о нем и его семье, которая, впрочем, состояла из его жены и сестры его жены. Эти три души хотя происходили из разных социальных слоев, но удивительно подошли друг к другу. Они были «народники». Народники не в смысле партии, а потому, что очень любили деревню и веровали, что крестьян выведет на путь развития и достатка образование. Поэтому они выстроили начальную школу, в которой моя тетка, Ольга Петровна, была учительницей, а мой дядя, дядя Вася, вынашивал более обширные планы. Ему совершенно не по средствам было содержание этого когда-то великолепного дома, где богатые польские магнаты вели жизнь, им свойственную. Но вместе с тем ему казалось невозможным, чтобы такое здание пропадало зря, и он мечтал о том, чтобы в этом доме основать агрономическое училище.

Жизнь этой семьи была трагическая, об этом рассказывать не буду. После смерти дяди Васи мой отчим исполнил его мечту и тут в Ставках открыл агрономическое училище, став его почетным попечителем. Таким образом, этот дом получил, можно сказать, весьма приличное назначение. Затем потекли годы... Прошла война. Наступила революция, затем прошла вторая война... Я в этом доме не бывал. Но детские воспоминания о нем были крепки.

* *
*

У меня было очень мало надежды, что он существует. Надо прибавить, что в 1917 году, после Февральской революции, и в этом агрономическом училище произошли всякие беспорядки и оскудения. Ко мне явилась в Киев летом 1917 года депутация от этого училища с просьбой принять на себя почетное попечительство училищем и помочь ему так, как помогал мой покойный отчим. Я обещал им приехать в Ставки.

И вот приехал в октябре 1960 года. Значит, ехал я довольно долго. Сто километров, отделяющие Ставки

от Киева, я ехал сорок три года. Но это потому, что заезжал «по дороге» в разные города — столицы. Был в Константинополе, Бухаресте, Софии, Белграде, Будапеште, Праге, Варшаве, Берлине, Париже, Москве. Сверх того, во Владимире продолжительное время. Но все же я приехал. И вот я стоял перед старым домом с четырьмя колоннами. Он подмигивал мне изменившимися своими окнами и говорил:

— А, попечитель! Приехал? Долгонько. Но лучше поздно, чем никогда. Я тоже, брат, мытарствовал немало, сейчас ничего — опять получил приличное назначение. Больных деток лечу. А что Ольга Петровна? Василий Иванович? Дмитрий Иванович? Все умерли? Почтенные были люди. А вот гитлеровцы, какие безобразники! Что они наделали? Старые колонны мои развалили, эти вот новые. Служат, да не то. Толщинки прежней в них нету, этакой округлости. А окна? Окна были у меня до полу. Красота! А сейчас небольшие, обыкновенные. Но это — пусть. Деткам теплее. Но как они меня оскорбили, гитлеровцы. Помнишь входную лестницу, парадную? Дубовую в два крыла? Все «до вшиских дзяблов», словом, к черту! Помост соорудили такой косой, прямо во второй этаж. А зачем? Конюшню там устроили. Конюшню! В моих залах-то прекрасных. Разве это забыть можно? А парк! Помнишь парк? Столетний вокруг меня стоял. Весь вырубили. Пройдись, посмотри. Ни одного дерева! Но это ничего. Я, может быть, дождусь нового парка. Лет 50 еще проживу, а? Как ты думаешь? А ты не дождешься. Да и вообще мы больше не увидимся. Прощай, попечитель... «почетный».

Последнее слово, как мне показалось, он проговорил так едко, презрительно, что не оставалось больше ничего, как уехать. Это я и сделал.

Но уехал я все же в радостном настроении. Почему? Потому, что нашел этот дом, он живет, существует и опять приносит пользу людям. Значит, грозные и величественные события пощадили и этот второй дом, связанный с моей жизнью.

И второе доказательство. Мало того, не только уцелел дом, но уцелела память о тех, кто в нем жил и трудился. О тех людях, которые по мере своих сил стре-

мились помочь окрестному крестьянскому населению. Сохранилась память и добрая память, в чем я убедился, побеседовав с тамошним народом.

* *
*

А теперь третье доказательство все той же мысли. Если от села Ставки, теперешнего Ленино, промчаться прямо на запад еще двести километров, то, не доезжая двадцати километров до гор. Ровно, можно увидеть при дороге большое промышленное предприятие, носящее название Бабино-Томаховский сахарный завод. Тут я сделал вторую остановку, и здесь меня, как одного из основателей этого завода, быть может, единственного оставшегося в живых, весьма радушно приняли те, кто сейчас там работает и управляет им.

Когда мы в 1913 году закладывали высокую фабричную трубу, тут было голое поле. Сейчас это можно назвать городком. Много разных корпусов как бы прячутся в уже успевшем состариться парке.

Каков же теперешний итог наших начинаний через 47 лет?

Насколько было возможно, я осмотрел все то, что выросло на старом основании, и ознакомился с цифровыми данными. Против наших расчетов 1913 года выработка сахара увеличилась в 6 раз. Эта грандиозная реконструкция завода произошла за какие-нибудь последние 15 лет.

Душой этого дела в 1913 году был мой отчим. Хорошо зная его психику (он умер вскоре после закладки завода, недостроив его), я могу сказать, что покойный был бы доволен результатами своего дела, которых он не увидел, но я их увидел его глазами.

Незадолго до своей смерти, быть может, в предчувствии ее, он сказал нам, т. е. своим сыновьям и мне, пасынку:

— Я строю этот завод не для себя и даже не для вас. Я твердо знаю: там, где вырастет сахарный завод, окрестное население не будет знать бедности. Оно найдет применение своим силам, участвуя в этом предприятии.

* * *

На хуторе Агатовка, что в 15-ти верстах, находится могила основателя завода, о которой вряд ли кто помнит из работающих сейчас на этом предприятии. Но люди, живущие в Агатовке, хорошо знают все, что было, и по рассказам своих дедов и отцов даже узнали меня, когда я приехал поклониться могиле. Узнали, сердечно беседовали, угощали превосходными фруктами и тепло напутствовали при моем отъезде.

Мысленно суммируя все эти впечатления, я раздумывал о том, почему меня так радушно встречали. Ведь надо же отдавать себе отчет, что встретились люди различных политических воззрений, в прошлом ярко враждебных. Почему же мы сидели вместе за дружеским столом, почему же провозглашали мое здоровье и желали мне всего лучшего?

Вероятно, потому, что я не пришел сюда вместе с иностранными войсками вернуть силой оружия то, что когда-то мне принадлежало. Я пришел сюда примиренный, с сознанием, что страница истории перевернулась и наступила новая эпоха, с новым укладом и новыми возможностями. Я пришел сюда, забыв прошлое и желая всем этим людям всего лучшего в будущем. На дружеские мои чувства мне ответили дружественно. Вот и причина простая в целом, но очень сложная в своих частях, так как психика бывших противников не везде одинаковая. Злоба родит злобу. Дружба — дружбу.

* * *

Три доказательства одной и той же мысли заставили меня забежать очень далеко вперед. И далеко в смысле географическом, на Волынь, триста километров от Киева. Теперь возвратимся опять к «моему» дому, который я оставил на углу улиц Льва Толстого и Кузнечной. Вот я опять стою перед ним и размышляю. И после продолжительного размышления я наконец вошел в ворота моего бывшего дома, то есть той его части, которая уцелела.

На доске прочел имена квартиросодержателей. Их много десятков. Но ни одного знакомого имени. Новые люди имеют здесь крышу над головой. В садике играют их дети. Мне здесь делать нечего.

* *
*

Мне здесь делать нечего. Но так ли это?

«Мой дом»... Что это такое? Что значат эти слова?

Мой ли он потому, что моим родителям принадлежали его стены. Этих стен уже нет. Деревянные, слабенькие, они сменились каменными, могучими. А он, дом, все же остался «моим». Переменились и видимые владельцы. Нашу семью в этом смысле сменило государство, и все же он «мой», т. е. я как-то живу в нем, хотя в этих каменных стенах мне негде и голову преклонить.

Почему же, в конце концов, он «мой»? Он «мой» потому, что в нем я родился, в нем впервые увидел свет.

Этот факт нельзя изменить, и потому с этим местом до конца дней моих будет связана моя жизнь.

У турецкого султана было три тысячи жен, но мать одна. Я переменил за свою жизнь много, много домов, где я жил. Но «моим» домом был и будет только этот, хотя его больше уже и нет. Место рождения человека больше всего другого, кроме времени, определяет его судьбу. И потому с этим пунктом земного шара я связан нитями невидимыми, но неразрывными.

Этот дом «мой» потому же, почему «мой» и город, в котором я нахожусь. Минувшие судьбы града Киева, до самых отдаленных, наложили на меня какую-то свою печать, и в его настоящем и будущем я как-то и сейчас участвую. В более развернутом понимании «мой» дом — это город Киев; а в еще более широком, «мой» дом — это моя родина, Русь — Россия.

* *
*

Вся Россия мыслится и ощущается мной, как колония «матери городов русских». И судьба ее, России, в каком-то отношении и моя судьба. И в какой-то микро-

скопической дозе я за нее и ответственен. Пусть случайность, что я родился в России, но эта случайность определяющая, и ее отменить нельзя. Если бы я родился в иной какой-нибудь стране, я был бы не я, а другой человек. То обстоятельство, что на шестой части суши с 1917 года была провозглашена Советская власть, ничуть не меняет сути дела.

Нельзя уничтожить законы бытия. Бесчисленные люди всех времен и народов, приложившие к ней свои усилия, направили и дальше будут направлять реальную историю нашей Родины. К этим бесчисленным отношусь и я — малая букашка. Причем безразлично, был ли я за или против власти существующей. Поэтому и на мне лежала и лежит некая маленькая ответственность за судьбы народов, меняющих имена и формы общежития, но остающихся Великим сообществом, проживающим в определенных пределах. И эти пределы и суть в обширном смысле слова — «Мой дом».

* *
*

Это широкое понимание слов «мой дом», но не широчайшее. Широчайшее настолько шире широкого, насколько Вселенная больше Земного шара.

В наше время нельзя уже отмахиваться от вопросов, которые выдвинул космос. Ленин был прав, когда обронил однажды:

— Только овладев космосом, человек узнает, что он такое есть.

Мы близки к разгадкам этой тайны

Юрий Гагарин был в космосе неполных два часа. Он не успел ощутить тоски по Земному шару. Когда человек полетит на Венеру, его путешествие туда и обратно будет длиться около года. За это время космонавт научится думать о покинутой им Земле, как о бесконечно далеком, но и бесконечно дорогом своем родном доме. У него будет одна мечта — вернуться хотя бы на одно мгновение на эту свою истинную Родину, где все прекрасно и любимо и все люди покажутся ему земляками.

*   *
*

Не случайность, что проникновение в бесконечную Вселенную совпадает по времени с опаснейшей для человечества эпохой. Наука раскрыла для нас перспективы ослепительные в своем сиянии и в то же время столь ужасные, что мысль цепенеет при их созерцании.

Перед нами, человечеством, две дороги.

Одна — признать, что Земной шар есть общий дом для всех людей, на нем живущих, и в соответствии с этим приложить к этому своему общему жилищу могучую современную технику, созданную умом и трудом людей. В этом случае человечество действительно ждет рай на земле, по крайней мере рай материальный. А затем, получив материальный достаток, довольство, обеспеченную жизнь, человек будет совершенствовать и свои духовные ценности, без которых невозможно счастье человеческое. Я хочу сказать, что придет новый человек, умеющий быть счастливым, ибо быть счастливым — это дар просветленного сознания и возвышенных чувств.

Другая дорога для человечества — это война со всеми вытекающими отсюда ужасными последствиями.

В зависимости от того, какую дорогу человечество выберет, в дни завоевания космоса узнается, «что такое есть человек», как об этом думал Ленин. И вместе с тем исполнится заповедь, начертанная на стенах дельфийского оракула, заповедь, любимая Сократом:

— Познай самого себя.

О Киеве вообще и в частности

Крещатик — ложбина между гор. Это дает благодарные возможности для одаренного урбаниста.

Таковые, может быть, и были. Алешин был талантливый архитектор. Это по его проекту Могилевцев, жертвователь, построил на Владимирской улице красивое здание. Это здание, перестроенное Алешиным в 1935 году, стоит и по сей день. Теперь тут музей В. И. Ленина. Алешин видел будущий Киев преображенным. Он гово-

рил, что Киев может и должен иметь свой собственный стиль, архитектуру, связанную с прошлым, но приспособленную к настоящему. Ему казалось, что за основание надо взять стиль исторических памятников Киева. Труднее всего стилизовать жилые многоэтажные дома. Но это возможно. В своем общем ансамбле Киев должен был быть белостенным с золотом. Чуточку золота в узорах, хорошо выработанных историей, узорах, положенных на простые гладкие белые стены. На этом фоне киевские темнолистные тополи будут упоительны.

Так мечтал Алешин. В частности, для живописного места над крутыми обрывами над Днепром, где был сад Купеческого собрания, он разработал ансамбль «Торговые ряды». Он принес мне законченный чертеж, который показался мне удачным.

Я вспомнил об Алешине потому, что этот человек мечтал о грандиозной перестройке Киева.

Мы одинаково с ним мыслили, что стройка Киева тогдашнего времени в архитектурном отношении заставляет, мягко говоря, желать лучшего. Современным киевлянам, говорили мы, стыдно смотреть в лицо предкам. Особенно это относилось к главной улице — Крещатику. Я не припоминаю зданий, о которых можно было бы выразиться словами поэта:

«Не говори с тоской —
их нет,
А с благодарностию —
были!»

Поэтому без отравы «святыми воспоминаниями» я воспринял новый Крещатик.

* *
*

Эта улица, безусловно, красива. Конечно, она не в стиле Алешина — белые стены с узорами, чуточку золота, темнокудрые тополи.

В каком стиле новый Крещатик? Не знаю. Я бы сказал, что его стиль — удачные ансамбли. Не стесненная

границами собственников, властная рука творила из груды послевоенного мусора то, что подсказывали ей талант и фантазия архитекторов и строителей. Строили они быстро, тем не менее удачно. Когда я спрашивал, кто же эти одаренные люди, которые, несмотря на грандиозные темпы строительства, все же отвоевали и защитили красоту, мне отвечали:

— Коллектив.

Это меня не удовлетворяет. Слишком хорошо я знаю коллективы человеческие. Коллектив — это тот же цензор, только многоголовый. Коллектив хорош для критики или для исполнения. Но творит одиночка. В моем понятии: в науке — мыслитель; в технике — изобретатель; в планировании зданий — инженер-архитектор; в планировании города — инженер-урбанист.

Но кто эти новые люди, чья мысль, витая над хаосом военного разрушения, создавала в своем воображении воздушные замки? Они творили мечты, которые немедленно облекались в плоть и кровь, т. е. в кирпич, камень, железо и бетон. Я хотел бы знать имена этих удачливых мечтателей, как я знаю имя Алешина, чья мысль не облеклась в материю, а осталась только поэтическим вздохом.

На мои настойчивые вопросы мне однообразно отвечали, что это создано коллективом лучших архитекторов Киева, Москвы и Ленинграда, участвовавших в конкурсе, объявленном украинским правительством, признавшим совершенно необходимым восстановить Крещатик.

Такие же объяснения я прочел в «Путеводителе-справочнике», а именно на 68 странице написано:

«Гитлеровские захватчики в 1941—1943 гг. целиком разрушили Крещатик. После освобождения Киева восстановление этой важной магистрали города было признано первоочередной задачей. Для выработки основной идеи восстановления Крещатика правительство УССР 22 июня 1944 года объявило конкурс на проект планирования Крещатика, в котором приняли участие известные архитекторы Украины, Москвы и Ленинграда. На основе проектов, избранных из числа поданных на конкурс, Управление городского архитектора составило

заключительный проект, по которому и осуществлено восстановление (Крещатика)».

Ни одного имени.

«Да возвеличится Россия,
Да гибнут наши имена!»

Скромность поистине удивительная. Но, кажется мне, доброй памяти заслуживают те строители, что воскресили погребенный под развалинами Крещатик и притом в обличье величественном и прекрасном.

Слава вам, коллективные творцы!

* * *

Это относится не только к Крещатику. В Киеве из земли, потрясенной катаклизмами военного разрушения, как бы вырвалась некая духовная сила, сила, противодействующая варварскому уничтожению, сила созидания. Эта огненная лава, затвердев, приобрела материальные формы, застыв в образе замечательных зданий.

Я не только не могу конкурировать с «Путеводителем-справочником», а, наоборот, хочу сделать ему рекламу. Кто интересуется Киевом, да приобретет эту книгу, она написана на украинском языке, но фотографии говорят на языке, доступном всякому народу, если они добросовестны. Снимки «Путеводителя-справочника» художественны, но не лживы.

Я имел возможность пробыть в Киеве только четыре дня, что убийственно мало. Я ощутил красоту этого города, так сказать, на лету схватывая ансамбли. «Путеводитель-справочник» дал мне возможность проверить и уточнить свои впечатления. Я не ошибся. Много зданий в самом деле хороши и еще выигрывают при сосредоточенном разглядывании.

В том же головокружительном темпе я осмотрел выставку достижений народного хозяйства, которая находится около Голосеева. Голосеев был в мое время хороший лес, принадлежавший Голосеевскому монастырю. Сейчас это огромная территория, на которой стоят нарядные павильоны, представляющие все отрасли Украинской республики, а последняя по площади равняется

примерно территории Франции. Когда я туда поехал, выставка была занята в части своей чешскими экспонатами, прибывшими из Праги. Поэтому я не мог тщательно осмотреть Киевскую выставку. Но ясно, что ее размах грандиозен. И, конечно, я вынес такое впечатление не от конфет и сигарет, экспонированных на выставке, а от архитектуры и искусства, техники и индустрии этой второй по величине союзной республики Страны Советов.

После выставки мы решили посмотреть промышленный Дарницкий район и по удивительному мосту Патона переехали на левый берег Днепра.

Патон, один из замечательнейших ученых нашего времени, посвятивший значительную часть своей жизни проблемам электросварки и мостостроению. Его талант, давший ему всемирное имя, особенно проявился в этом мосту, построенном в 1953 году, незадолго до его смерти. Этот мост является украшением и гордостью Киева, с которым Патон связал свою судьбу, начав читать лекции в Киевском политехническом институте с 1905 года. Кроме того, что мост Патона является большим достижением в деле мостостроения, он очень красив сам по себе. Красота его в том, что как будто бы моста совсем и нет. Как будто бы одна из улиц Киева каким-то полуволшебным путем перебрасывается с правого на левый берег. Впрочем, Гоголь мог бы написать об этом лучше, а я не умею.

* *
*

Левый берег Днепра представляет собой теперь новый промышленный город. За последнее время в районе Дарницы, как я мог лично увидеть и узнать из расспросов, построены вагоностроительный завод, резиногенераторный завод, огромный мясокомбинат, шелкоткацкий комбинат, комбинат декоративных тканей и много других предприятий. Кроме этого, здесь работают 15 строительных и монтажных организаций.

Вокруг промышленных предприятий вырос второй Киев. О темпах роста этого города хорошо сказал наш водитель, т. е. шофер,— я сидел с ним рядом:

— От тут ихав я весной в апреле, ничого не було, як есть песок голый, а теперь...

Я посчитал на пальцах, сказал:

— Полгода.

За полгода выросли огромные массивы многоэтажных жилых домов с большими магазинами, асфальтированными мостовыми, электричеством, водопроводом, школами, клубами и детскими домами.

В 1959 году 20 тысяч семей киевлян получили новые квартиры, из которых львиная часть падает на рабочий Дарницкий район. В прошлом этот район представлял из себя сосновый лес на песке с дачами. Война унесла дачи и лес, остался один песок. Вот на этих пустырях вырос второй промышленный Киев.

* *
*

Находясь тут, я почувствовал неизбежное зло крупнейших промышленных центров — атмосферу, отравленную заводскими газами, которые вредны для здоровья людей.

Восстановить природу, которая здесь была, надо, и это будет сделано. Вырастут рощи и молодые леса. Скорее их вырастут сады и цветники. Пока же борются на этом фронте путем возможного озеленения. Здесь все принесено в жертву скорости. Скорей, скорей — это лозунг левобережного строительства. Поэтому в качестве «скорой помощи» здесь усиленно садят самое мощное дерево наших мест — черный тополь.

Эти черные тополи — осокори как бы меня загипнотизировали, ими уже окаймлены улицы левобережного Киева и большая дорога на Бровары. Я попросил продолжить наш путь в этом направлении. Это старая дорога, историческая.

Летописец Нестор в XII веке сердился и полемизировал с теми, кто думают, будто Кий, основавший Киев, был простым перевозчиком на Днепре. Он, Кий, говорит Нестор, был славный и могучий князь. Если бы был простым перевозчиком, то в Царьграде не принимали бы его с таким почетом.

Но Нестор не отрицает, что был тут перевоз через Днепр. И можно помириться на том, что человек, засевший с вооруженной дружиной на перевозе, брал дань с проезжавших купцов. И стал могучим князем. Словом, это была историческая дорога с Запада на Восток в доисторические времена и дорога на Москву во времена исторические.

* *
*

Теперь она хорошо асфальтирована. Совершенно прямая и совершенно ровная. Такие, кажется, бывают только в России. Ни изгиба, ни бугорчика. Минуты отсчитывают километры. Я сижу рядом с шофером и потому это вижу на часах и счетчике.

Бесчисленные осокори выстроились по обе стороны, как молодые солдаты, только что призванные под знамена. Это напоминает военный парад новобранцев, которым нет и 15-ти лет. Через полвека эти юноши будут в 3—4 обхвата толщиной и сомкнут свои ветви над дорогой. В сладостной тени будут мчаться путники из Киева в Москву и обратно. Да будет так!

Сейчас молодые осокори готовятся к зимнему сну. Они роняют желто-красные листья. Ветра нет, они падают от ствола до ствола ровной полосой. Быстрый ход машины сливает их для глаза в две каймы, красиво оттеняющие темный асфальт дороги. Цветник в пятнадцать километров длиной. Вот Бровары.

— Все снесли в войну! — уронил водитель, как будто лист упал с осокоря.

Сейчас? Сейчас Бровары — город с высокими домами, магазинами, школами, асфальтированными мостовыми, электричеством, водопроводом, осокорями.

Мы повернули обратно и, пересекши снова Днепр, через сорок минут были в противоположном, западном районе Киева. Здесь и раньше были промышленные предприятия — теперь же это огромный индустриальный и научно-культурный район города. По обе стороны бывшего Киево-Брестского, ныне Львовского, шоссе раскинулись корпуса гигантских станкостроительных и машиностроительных заводов. На некоторых заводских воро-

тах, через которые вливались потоки груженых машин, я прочитал названия: «Большевик», завод имени Горького, «Красный экскаватор», «Точэлектроприбор» и другие, названия которых выпали из памяти.

В этом же направлении высились монументальные здания медицинского института им. Богомольца, новые архитектурные ансамбли института народного хозяйства и корпуса огромной киевской киностудии им. Довженко.

Должен сказать, что, ощущая грандиозные масштабы промышленности города, я не был ни на одном заводе. Время имеет свои суровые законы. Располагая ограниченным количеством дней, я, естественно, стремился в первую очередь побывать в таких местах, которые наиболее меня волновали, ибо они были связаны с очень сильными, иногда даже жгучими воспоминаниями. Все же один завод я очень хотел посмотреть, и мы направились отсюда снова к Днепру. Здесь было то, что я хотел увидеть,— огромный строительный комбинат, фабрика жилищ.

— Если бы,— говорит инженер,— мы продолжали по-старинному складывать кирпичик к кирпичику, то у нас просто не было бы надежды справиться с тем, что называется жилищной проблемой. Вы знаете сколько жилищ унесла война? Спрос на жилплощадь растет неудержимо и притом по двум основным причинам. Механизация сельского хозяйства освобождает рабочие руки. Естественно, люди стремятся на фабрику, на новые предприятия, а значит, в города, а значит, подай им жилища. С другой стороны, горожане природные, так сказать, требуют просторных удобных жилищ. Это ставит перед нами, инженерами, весьма трудную проблему. Надо устоять перед этим двойным натиском, т. е. построить столько, чтобы предложение сравнялось со спросом.

Инженер продолжал:

— Так вот я и говорю, что если бы строили старыми способами, то не было бы надежды выгресть против стремительного течения. Нас сносило бы вниз. Но мы перешли к новым методам.

— Водитель, остановитесь на минутку.— Машина стала. Инженер продолжал:

— Вот смотрите.

Я увидел лебедку. Много лебедок — подъемных кранов. Эти стальные птицы напоминали страусов в пустыне. Или, лучше сказать, неких доисторических чудовищ. Наука восстановила их размеры: эти птички, стоя на земле, могли бы клевать людей через окно 4-го этажа.

Чем же занимаются здесь стальные птицы XX века?

Они, опустив шею, ищут что-то на земле. Схватив добычу, они поднимают ее на воздух и, повернувшись на месте, опускают снова.

— Что они делают?

— Они подымают части домов, стены и перекрытия, так называемые блоки, и опускают их на грузовики. Грузовики мчатся в места стройки. Там такие же лебедки снимают части домов с грузовиков и ставят их на место, сначала на фундамент, а потом на стены, все выше и выше. Присмотритесь. Вот лебедка взяла кусок стены с прорезанными окнами; другая — с отверстием для двери; третья тащит голый блок, т. е. часть стены без окон и дверей.

— Размер их?

— Блоков? Примерно 2 $\times$ 3 метра. А кирпич, ну, вы знаете размер кирпича. Складывать дом по кирпичу — это муравьиная работа. При помощи стальных гигантов мы идем гигантскими шагами в смысле складывания домов. Перед вами огромный комбинат, он готовит блоки, которые в современном строительстве заменяют кирпичи.

Инженер продолжал:

— Киев не отстает в этом деле от других городов страны. И все же мы недовольны. Надо строить скорей! Надо найти способы, методы, чтобы усилить гонку сооружений.

Я рискнул заметить:

— Чтобы усилить гонку сооружений, надо ослабить гонку вооружений.

— Конечно! Поэтому-то наше правительство,— продолжал инженер,— и ведет такую последовательную и упорную борьбу за всеобщее разоружение. Если мир этого добьется, мы сможем все средства вкладывать в строительство городов и сел.

— Если вы меня спросите,— заметил инженер,— какая часть средств тратится всеми государствами на вооружение, я не сумею вам ответить, но это громадные средства. И если бы правители всех стран бросили их на улучшение человеческой жизни, то результаты могли бы быть действительно сказочными. Люди строили бы не дома, а дворцы. Они превращали бы целые страны в цветущие сады, пустыни — в моря и соленые, негодные озера — в плодородные земли. Сахара стала бы одним сплошным оазисом.

Словом, все то, что не мог бы предвидеть ни Жюль Верн, ни вообще какой-либо изобретательнейший фантаст наших дней, все это стало бы реальностью.

* *
*

Инженер так красиво и убедительно говорил о сказочной эпохе, которая могла бы осуществиться, но на пути которой еще стоят мрачные чудовища, что как-то захотелось увидеть сказку без если. Сказку, которая бы как-то освежила нервы, постоянно напрягаемые, волшебными, но вместе с тем и суровыми перспективами. Словом, захотелось для отдыха и перемены увидеть просто сказку.

Оказалось, что это возможно. И в этот же вечер в театре имени Шевченко я смотрел балет «Лесная песня», поставленный по сказке Леси Украинки. Но я назвал бы этот балет странно звучащим именем — «Чуть-чуть».

Подлинная поэзия этот балет! Танцоры превосходны, но главное действующее лицо — лес. И так как в театре все от искусства, то за этим балетным лесом скрывается душа художника. Того художника, что этот лес выдумал. Не то слово! Не выдумал, а сотворил. Нет. Не сотворил, а увидел в экстазе созидания.

Но я ошибся. Лес все же не главное действующее лицо в балете «Лесная песня». Главный лицедей — Время. Оно идет своей роковой поступью, одевая лес в весенние, летние, осенние уборы. До чего это прекрасно! Сказка, уносящая на своих крыльях в волшебный мир

и зовущая обратно на землю строгими чертами реализма.

Но я опять ошибся.

Время еще не главный актер. Глубже Времени — Смерть. Этот призрак сделан так тонко, с таким чувством меры, что невольно вспоминаешь Гончарова:

— Искусство рождается там, где начинается «чуть-чуть»...

Призрак смерти чуть чуть намечен. Но от этого прекрасного «чуть-чуть» мурашки бегут по телу; душа преклоняется в ужасе и смирении.

Неужели бессмертный художник, который увидел в своем творческом трансе такую смерть, умрет?

Призрак отвечает без слов:

— Смерть необходима, и потому она прекрасна.

И потрясенный зритель уже готов с этим согласиться. Но вдруг приходит то, что сильнее Смерти.

Что же сильнее Смерти?

Сильнее Смерти Жизнь, или, что то же — Вечная Любовь.

* *
*

Где-то... в другой жизни... или в другом месте... или в другом времени. Все недосказано. Сказано «чуть-чуть». Чтобы каждый понимал «Лесную песню» по-своему, понимал, как ему понятнее. Там, в неведомом, все возобновляется, все оживает. В плане реальном приходит весна, лес после зимней Смерти возрождается в новой листве, в новой красе.

В плане мистическом две души, юноша и девушка, снова сплетают свои судьбы, они созданы друг для друга, их любовь вечна. Но суровый реализм мира разлучает их. Ибо все во Времени. После осени приходит зима, но Лес не считает ее Смертью. Для него зима только время года. А человек этого не знает. Он свою зиму называет Смертью. Лес хочет поделиться с человеком своим глубоким знанием.

Весна, лето, осень, зима. Что такое зима? Отдых. Молодость, зрелость, старость, смерть.

Что такое смерть? Сон. Лес знает, люди не знают. Узнайте же, любящие души! Смерти нет, есть только Время. Смерть есть мера Времени. Отмерив свою меру, Смерть уйдет. И снова придет Жизнь.

И это показано в балете «Лесная песня». Снова в ожившем лесу сходятся юноша и девушка. Существа, рожденные друг для друга, находят родную душу. Почему? Потому что любовь их вечна. Вечность сильнее Времени. Время слуга Вечности. Но Вечность только слуга Любви. Пройдет положенное, умрет и Вечность. Но Любовь пребудет. Любовь есть Жизнь. Жизнь же конца не имеет.

* *
*

Так говорил балет в Киевском государственном театре в октябре 1960 года.

Я допускаю, что другие зрители поняли «Лесную песню» иначе. Но я понял так.

Несомненно одно, что постановкой все мы были восхищены.

Нечто о религии

Итак, мне приходится покидать Киев. Но как же побывать в Киеве и не задуматься над религиозными вопросами — это все равно что по поговорке «побывать в Риме и не увидеть папы».

Киев — древнейший религиозный центр русского народа, и с религией неразрывно связана тысячелетняя его история. Пусть сейчас Советская Россия отреклась от всякой религии и развивается под знаком атеизма, но поговорка, на этот раз греческая, говорит: «И сами боги не могут сделать бывшее не бывшим».

Как же сплелось атеистическое настоящее с религиозным прошлым в этом самом древнем городе русском?

Этот предмет очень трудный и очень сложный. Вся государственная и общественная жизнь подчинена велениям атеистических воззрений современного советского общества. Это надо помнить и учитывать как основной фактор. Будет ли это промышленность, заводы, будет ли

это строительство, будет ли это воспитание, вся школа, низшая, средняя и высшая,— все это проникнуто духом атеизма. И в этом смысле не надо делать себе никаких иллюзий и тем не менее...

И тем не менее религия существует и даже весьма ярко выражается самой внешностью города.

Когда входишь в Лавру, острые впечатления вихрятся вокруг. Крутые спуски и подъемы. Каштаны большой старости; старинные здания церковного стиля. Красота прошлого, обаяние ушедшего.

* *
*

И вот я у входа в «Ближние» пещеры. До «Дальних» сегодня не добраться.

Вход в темное подземелье светлый. Это многостекольное здание как бы преддверие храма. На стенах старинные картины (трудно назвать их образами), изображающие ад и рай. Впрочем, больше — ад. Я не имел времени рассмотреть их, как они того заслуживают.

Картины эти предназначены для тех времен, когда пещеры посещали почти что пещерные люди.

Каковы они сейчас, те, что входят и выходят из древних подземелий? Как они верят?

Часть тут неверующих, это любопытствующие. Часть и сейчас, вероятно, верят по-пещерному. Но есть, конечно, и такие, которые верят не по-пещерному, а гораздо тоньше и возвышенней. Но я с такими не имел соприкосновения.

* *
*

В пещерах проведено электричество, свечи теперь не нужны. Но по старой традиции покупают восковые свечи, которые продает монах, сидящий у входа. И входят в пещеры с зажженными светильниками в руках. Раньше электричества не было и в смысле душевных эмоций было лучше. Не подходит победоносный свет к порожденному смирением миросозерцанию. Едва мерцающие лампады были бы тут осмысленнее.

В подземных ходах по-прежнему лежат мощи в гробах, покрытые покрывалами. Видны только руки, сложенные на груди. Они кажутся сделанными из потемневшего воска, но это подлинные кости, обтянутые усопшей кожей.

Среди других можно увидеть и руки Нестора-Летописца, свыше 600 лет тому назад начертавшие:

«Откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Русская земля стала есть».

В подземной церковке пели женские голоса в порядке «самодеятельности». В них не было благости, потому что они как будто что-то кому-то доказывали. Не надо доказывать. Истина, если она истинна, победит сама собой. Если не победит, то истина не истинна.

* *
*

Я шел с трудом. Я стар, а древние ступени обветшали. Струя людей, обойдя «Ближние» пещеры, вывела меня на свет божий. С трудом я поднялся к тому месту, где был главный собор, Успенская церковь. Ее в 1941 году начисто уничтожили новые вандалы XX века.

Почему? Отчего? По какой причине злоба обрушилась именно на эту святыню? Никто не мог мне объяснить.

Другие церкви, жилые здания и Трапезная стоят среди вековечных каштанов. Под ними оживленно торгуют книгами, здесь же можно купить историю Лавры. Конечно, эта история изложена в атеистическом стиле. Но уцелевшие памятники истории бережно сохраняются. Стоит и черный мраморный крест над могилой Столыпина, убитого в Киеве в 1911 году. Около нее есть надпись, соответствующая политическим взглядам коммунистов, но самая могила сохранена.

Рядом со столыпинской находятся могилы Искры и Кочубея, казненных Мазепой перед Полтавской битвой, т. е. 250 лет тому назад.

В общем Лавра превращена в нечто вроде музея и на официальном языке называется «Державный заповидник — музей «Києво-Печорська Лавра»».

* *
*

Ярослейф Вальдемарович, иначе Ярослав Володимирович, вошел в историю с прозванием «Мудрый».

Быть может, потому, что он построил в Киеве замечательный собор, оконченный в 1038 году, в честь святой Софии, а слово «София» по-гречески означает «мудрость».

Ярослав умер в 1054 году. Я любил приходить сюда в часы, когда в Софийском соборе было тихо и пусто. Гробница была наглухо закрыта крышкой тяжелой, как тысяча лет. И мне не хотелось ее открыть. Лежит ли там прах мудрого Ярослава или гроб пуст? Я не стремился это проверить. Но в XX веке Софийский собор был объявлен музеем, и торжествующая наука вошла в этот храм. Гробницу Ярослава вскрыли. Гроб не оказался пустым. В нем нашли останки человеческие.

После тщательных исследований пришли к выводу: скелет, обнаруженный в гробнице Ярославовой, действительно относится к останкам великого князя Ярослава Киевского, скончавшегося в 1054 году.

Как пришли к такому заключению? Путем тщательного изучения письменных документов. Летописи сохранили несколько происшествий из жизни Ярослава, например его ранение. Травматические повреждения должны были вызвать известную деформацию на костях. И эти следы на скелете, найденном в гробнице Ярослава, оказались налицо.

Когда было признано, что в гробнице действительно находятся останки Ярослава, наука захотела по возможности восстановить и его внешний образ. Возможности к этому были. Искусство реставрации за последнее время шагнуло далеко вперед. Ученые и художники этой специальности по черепам восстанавливают лица. И они воскресили образ Ярослава, каким он должен был быть при жизни. Тогда останки его вложили обратно в гробницу, где они лежали 900 лет.

Софийский храм превращен в музей. Будем говорить о том, как сохраняется эта древнейшая русская реликвия.

Невесело, конечно, было войти в алтарь храма тому, кто помнит благоговейное служение в Софийском кафедральном соборе, и видеть престол обнаженным от золотых риз, т. е. тяжелую каменную глыбу из серого цемента. Здесь в течение веков совершалось таинство бескровной жертвы в память кровавой расправы, учиненной над безвинным и добровольным страдальцем. Но надо стряхнуть с себя гипноз золотой роскоши, в которую позднейшая церковь закутала евангельскую простоту. То, что совершено было без малого 2000 лет тому назад, настолько ужасно, что не драгоценная парча, а вот такой серый, бездушный камень, не ведающий сострадания, должен быть подножием Голгофы.

Эта мысль меня утешила, но безутешен я был в том, что окружающие стены храма безмолвны. Они не отражают сейчас поистине райских звуков, рождавшихся здесь в то время, когда я был молод. Никогда я не слышал и, вероятно, не услышу хора, подобного знаменитому хору Калишевского, певшему здесь, в Софийском соборе.

Известно повествование Нестора-Летописца о том, как была выбрана новая вера для Руси язычником киевским князем Владимиром, отцом Ярослава. Послы Владимира побывали всюду и в Царьграде (нынешнем Стамбуле) тоже. Вернувшись в Киев, они сказали Владимиру·

— Когда мы там были у них в храме и слышали, как они воспевают своего бога, то не знали, на земле ли мы еще или уже на небе...

Так рассказывает Нестор о звуках, рождавшихся в Царьградском храме в X веке нашей эры.

Но это только красивая легенда! — так нам казалось. Однако в XIX столетии в Киев приехали не безымянные послы Владимира, а очень известный и даже знаменитый музыкант Петр Ильич Чайковский. Он был поражен резонансом Софийского собора. И говорят следующее:

Он, Чайковский, силился в одной из своих опер («Пиковая дама») передать мистические песнопения, предшествующие появлению мертвой графини (сцена в казарме). И будто бы Чайковский вдохновлялся при этом звуками, слышанными им в Софийском соборе

во время панихиды. Это были звуки неземные, звуки с того света.

— И не знали мы, на земле ли мы еще или уже на небе...

Происшедшее в X веке в Царьграде повторилось в XIX веке в Киеве, быть может, это не совпадение. Дело в том, что Киевская София построена в подражание Царьградской и при участии греческих мастеров. Они, быть может, приложили при постройке свои веками добытые таинственные знания.

Чайковскому, разумеется, не удалось разгадать тайны Софийского собора. Он был музыкант, а не ученый зодчий и не археолог. К разгадке этой тайны вплотную подошел XX век. Ученые, которым поручено было быть хранителями музея «Софийский собор», отнеслись к своей задаче любовно. И они, выстукав стены, как врач сердце, открыли в разных частях собора замуравленные глиняные сосуды, служившие резонаторами. Так через тысячу лет древний храм открыл свою тайну.

* *
*

Во всяком случае, одна стена, прозванная «Нерушимая», уцелела. И вот она сейчас передо мной, т. е. в октябре 1960 года. Это восточная стена, возведенная при Ярославе. Западная стена восстановлена позже. И вообще весь храм имеет совершенно иной вид, чем в XI веке. Однако мозаика, та самая мозаика, которая была положена на эту восточную стену в 1038 году, сохранилась до удивительности. Золотой фон сияет так, как будто он сделан сегодня.

— Как это может быть?

Молодой ученый, дававший объяснения (их можно бы назвать лекциями), ответил на мой вопрос примерно так:

— Мы обнаружили, изучая мозаику Софийского собора, высокую технику мастеров, ее изготовивших, благодаря чему она блестяще сохранилась до наших дней. Недавно, проводя реставрационные работы, мы очистили и отмыли мозаику, и теперь она предстала во всей своей неувядаемой свежести.

Это мозаичное, художественное произведение представляет из себя молящуюся богоматерь с поднятыми руками. Такого рода изображения в иконографии принято называть «Орантами», что на латинском языке значит «Молящаяся».

Молитва, которая длится без малого тысячу лет! Это величественная мысль сама по себе. Но интересно и то, что она хорошо выражена художниками одиннадцатого столетия. О чем же десять веков молится киевская Оранта?

В этой «нерушимости», в ужасающей неподвижности изображенной женщины, видевшей своего сына на Голгофе умирающим в нечеловеческих муках, чувствуется никогда не ослабевающая память и сверхчеловеческая воля. Эти глаза не закроются; эти воздетые к небу руки не опустятся; эти тяжелые складки одежды не шевельнутся, пока молитва ее не будет услышана. О чем же она молится? В наши дни это мне стало ясно. Она молится о мире всего мира, она молится о Вселенной Любви.

Две древние святыни Киева, наиболее в былое время почитаемые, превращены в музеи и тщательно в таком виде сохраняются и изучаются. Но в этом случае уважили не веру, а старину. Третий же памятник не старины, а искусства, оставили для верующих, здесь происходят богослужения.

Я был в этом храме в конце 1925 года, когда нелегально побывал в трех столицах России. Тогда я с грустью отметил, что замечательные религиозные картины, запечатленные на стенах собора, приходят в упадок. Это происходило потому, должно быть, что храм плохо отапливался и сырость грозила уничтожить живопись великих мастеров искусства, как Васнецов и другие.

Сейчас в октябре 1960 года я был несказанно обрадован, войдя во Владимирский собор. Этот храм светлый, хорошо освещается окнами.

Я могу сказать, что, может быть, даже в первый день своего открытия в конце XIX века Владимирский собор так не сиял блеском красок, богатством позолоты, безупречной чистотой мрамора, т. е. плиток пола, облицовок стен и художественных завитушек оград и колонок на

хорах. Именно желание пройти на хоры в этот неурочный час дало мне возможность познакомиться с «конституцией» этого собора. Я обратился к священнику, разговаривавшему с женщинами, продававшими свечи у стойки, резной и стилизованной, как все в этом храме.

— Батюшка, не откажите подняться на хоры, я — приезжий.

Священник сказал:

— Я служу и только. Вот хозяйки храма.

Хозяйки не напоминали монашек, они были скорее похожи на «сестер милосердия» прежних времен. И я вспомнил, что древнейшая традиция наших краев — это братства и сестричества, спокон веков возникавшие вокруг церквей в целях их защиты и благоустроения. Очевидно, что и сейчас некое модернизованное сестричество заботится о Владимирском соборе Этим сестрам верующие обязаны, вероятно, тому блистательному состоянию, в котором я его, Владимирский собор, увидел, о чем в качестве «добросовестного разведчика» и доношу, кому следует. Как эти священно- и церковнослужители ладят с атеистами, правящими этим городом, я не знаю, но свидетельствую о факте.

Могу, впрочем, сделать одно предположение.

* *
*

Необычайно сложно, запутано и противоречиво положение христианской религии во всем мире вообще, а православной церкви в особенности.

Высшие иерархи русского православия, находящиеся в «рассеянии», т. е. в эмиграции, требуют, чтобы меч поддержал крест. Некоторые из них даже благословляют свою паству на звериную войну, на жестокости, каких еще не видел свет, на поголовное истребление целых народов. Во имя чего? Во имя торжества веры христовой. Но ведь Христос, кротчайший из самых кротких, провозгласил, что Бог есть Любовь. Каким же образом можно проповедовать атомную войну во имя Христа?

Как странно, как невероятно сложились обстоятельства! Если посмотреть правде прямо в глаза, то выходит,

что душевный мир, то есть мир с самим собой, христианский иерей обрел под крылом атеизма.

Вот, например, этот батюшка, с которым я столкнулся случайно здесь, в Киеве, под сводами этого дивного храма, так любовно оберегаемого верующими. Когда он молится «о мире всего мира у Господа просим» и хор отвечает ему: «подай, Господи», то и он и все верующие соединяются в одном чистом устремлении к Христу.

Но когда эти же слова провозглашаются за океаном в иных православных храмах, то они звучат убийственным укором правящим службу священнослужителям и едкой насмешкой над их паствой, над молящимися, над верующими христианами.

Не надо иметь острого зрения, чтобы сквозь дым кадильный видеть, кто тут «правит бал», и не надо иметь тонкого слуха, чтобы явственно слышать торжествующий дьявольский хохот.

Атеисты — это не сатанисты. И мне лично атеист, требующий мира во всем мире во имя Человеколюбия, куда ближе, чем архипастыри христианских церквей, благословляющие верующих на атомную войну.

Чему учит Христос? Человеколюбию. А атеисты? Зовут ли они истреблять людей во имя своей доктрины, или, наоборот, выше своего учения, которому глубоко преданы, ставят прежде всего спасение всех людей, без различия мнений, от надвигающейся вселенской катастрофы?

Если так, то не в этом ли ключ к неписанной конституции, согласно которой верующие Владимирского собора ладят с правящими киевскими атеистами?

С этими мыслями я вышел из Владимирского собора.

...И с этими же мыслями, вынесенными из Владимирского храма, я покинул на следующий день «потерянный и возвращенный» для меня Киев.

Перед отъездом я посетил старинное Байковское кладбище, где нашел мраморы, под которыми могилы моих родителей. Я не нашел могилы сына, но я посетил место, где он погиб.

Прощай, «матерь городов русских».

Я верю в русскую правду, родившуюся здесь, и верю в твою счастливую звезду.

Еще одно последнее сказанье

Повидав, кроме Киева, несколько городов, городков и селений, в том числе Ставки-Ленино, Радомысль, Житомир, Ровно, Острог, Гощу, Шепетовку и Винницу, я вернулся во Владимир.

Здесь я решил подытожить свои впечатления от моей поездки и сравнить, насколько они соответствуют моим прежним владимирским ощущениям, с которыми я выехал отсюда 12 дней тому назад.

Мирная созидательная жизнь народа, как в зеркале отражающая внешнюю политику своего государства, гигантский рост промышленности, напряженное, чтобы не сказать — бурное, строительство, нарастание материального и культурного богатства общества.

Эти владимирские впечатления оказались в полном согласии с тем, что я видел в Киеве и иных местах.

Другими словами, выехав для того, чтобы найти решение некоего символического дифференциального уравнения, я, осмысливая эту поездку, до известной степени приблизился к его интегрированию.

Итак, я вернулся во Владимир с твердым намерением написать о своем путешествии целую книгу, независимо от того, будет ли это произведение где-нибудь и когда-нибудь напечатано. Немало бывало книг на свете, навсегда оставшихся в рукописи.

* * *

Я стал работать над мемуарами, которым я дал название «Возвращение Одиссея». Ну и почта тоже заработала. Слабосильная, на мой взгляд, волна, которую я послал через океан, ударившись «о берег дальний», возвращалась назад, притом с шумом. Резонанс оказался сильнее, чем можно было предполагать. Но он стал еще звучнее с тех пор, как 17 декабря в московских «Известиях» появилась выдержка из моего открытого письма к русской эмиграции, напечатанного в Америке. Теперь это был резонанс советский. Эти письма были от людей, меня раньше не знавших, и от знавших. Да, оказались и такие, старые мои друзья, включившиеся здесь в но-

вую жизнь. Были и недруги, ставшие друзьями. И почта так застучала в мою скромную дверь, что прекратила тихую, мирную мемуарную работу, работу человека, молившего судьбу только об одном.

— Разреши мне, богиня, работать для архивов.

Но она ответила:

— Нет! «Еще одно последнее сказанье».

Я сократил написанную уже часть «Возвращение Одиссея», т. е. записки о Киеве, до размеров, допустимых для открытого письма. Я выбросил почти все исторические реминисценции, сосредоточившись на настоящем. Это составило первую часть второго открытого письма, т. е. данного.

Сделав это, я приступил ко второй части. Она является ответом на многочисленные письма, которыми меня почтили читатели открытого письма № 1.

Отклики

Когда я посылал первое письмо, эмиграция представлялась мне в виде некой туманности. Сейчас я вижу ее гораздо яснее. С той поры прошло много времени. Я читал газету «Русский Голос», иногда доходили обрывки других газет, кроме того, я получил очень много писем, которые освещают мне положение. Письма исходят, как я уже сказал, из эмиграции и из Советского Союза. В общем скажу так насчет писем. Бранных писем я не получил ни с той, ни с другой стороны. Письма все сочувственные. Поэтому, если бы я судил только по письмам, то я бы сказал, что мое послание встретило очень благоприятную атмосферу.

Письма приходили если не со всех концов света, то, во всяком случае, из многих стран и городов. На конвертах стояли штемпели Москвы, Ленинграда, Бразилии, Франции, Киева, Алма-Аты, Минска, Мурманска, Брянска, Ростова-на-Дону, Берлина, Сталинабада, Харькова, Львова, Краснодара, Австралии и других городов и стран.

Были письма просто приветственные, были весьма сердечные. Были даже письма умилительные. Были

письма трагические. Совершенно невозможно рассказать о них даже вкратце. Только некоторые выдержки я решаюсь здесь привести.

Вот, например, пишет бывший киевлянин:

> «...Поздравляю Вас с тем, что Вы дома и не только физически, но и в какой-то мере духовно...»

Вот письмо, которое меня растрогало и взволновало. Но именно вследствие чрезвычайной сердечности этого письма, покрывшего меня незаслуженной похвалой, я не могу его цитировать, кроме последней фразы:

> «Ваше «Открытое письмо» можно назвать знамением времени. Это один из мужественных поступков Вашей тяжелой... жизни».

Один известный советский писатель, имя которого я не считаю возможным привести, так как не имею на это его согласия, прислал мне письмо, весьма сердечное и содержательное. Я позволяю себе привести только несколько строк из него.

> «Прочитал Ваше письмо в «Известиях», я хочу поздравить Вас с Новым годом вообще и с Новым годом в Вашей личной жизни.
>
> Быть стариком — дело не легкое и не очень радостное. Но старость становится легкой и радостной, когда чувствуешь новое в жизни и сам участвуешь в новизне наших дней... Думаю, что нет большего счастья, чем найти вновь свою Родину и ощутить кровную близость со своим народом.
>
> Я был Вашим злейшим врагом, а в настоящее время приветствую Вас как политического союзника и идейного противника».

Из Бразилии я получил письмо от одного старого друга. Оно характерно тем, что выражает, как мне кажется, мысли многих эмигрантов, сомневавшихся в авторстве «Открытого письма». Вот что он пишет:

> «Все мы читаем копии Вашего письма эмигрантам... пришлите письмо... не надо даже письма — достаточно одной Вашей подписи, чтобы быть уверенным, что Вы живы и Ваше письмо к эмиграции написано действительно Вами...»

Я послал ему и свой автограф и теплые, сердечные слова благодарности.

А вот выдержка из письма бывшего офицера белой армии, проживающего в Белоруссии:

> «...Вы пришли к нам из того мира, который я покинул 40 лет назад. Во время Октябрьской революции я был юнкером Киевского инженерного училища...
>
> К тому выводу, к которому пришли Вы сейчас, что русский народ поддерживает большевиков и всякие авантюры против Советской власти бесполезны, я пришел еще в 1920 году...»

Я привел всего лишь несколько строк из приветственных, сердечных писем, чтобы не утомлять внимание читателей и не создавать впечатления саморекламы.

Теперь перехожу к печатным откликам. И здесь дело меняется.

Русская туманность, приютившаяся на гостеприимной груди Северных Американских Штатов, для меня прояснилась; я вижу не только очертания политических групп, но даже выступают образы отдельных лиц и даже знакомых мне лиц. Вообще говоря, существуют два стана русских эмигрантов на Западе. Один стан, который сочувствует делу мира и даже энергично за него борется и потому дружественно смотрит на Советскую власть. И другой стан, который против мира и яростно Советскую власть ненавидит.

В первую голову я должен отметить «Русский Голос», в котором было напечатано мое открытое письмо. Эта газета, ее читатели представляются мне конструктивной формацией, идущей по здоровому пути. Я сердечно благодарен всем тем лицам, которые поняли меня, поддержали и умело, мужественно меня защищали и защищают против нападок из другого стана. Но я благодарен и Глебу Струве, который, хотя не разделяет позиции «Русского Голоса», однако написал статью в «Русской Мысли», где деловито, документально, с полным знанием дела рассказал всю знаменитую историю о «Тресте» — историю о ложных обвинениях в связях с органами ГПУ во время моего нелегального пребывания в России в 1925 г. И это

тоже конструктивный шаг, потому что всякая правда всегда плодотворна, как всякая ложь разрушительна в конце концов.

Тут, кстати, я хочу рассказать нижеследующее.

В некоторых эмигрантских газетах, объявивших мне войну, пытались заподозрить и то обстоятельство, что я в 1925 году поехал искать своего пропавшего без вести сына. По их мнению, это было только предлогом, выдуманным московскими чекистами с целью заманить меня в Советскую Россию. Сейчас я могу заявить. В октябре 1960 года мне удалось побывать в гор. Виннице. И там я нашел врача, который подтвердил, что в 1925 году действительно Вениамин Шульгин, мой сын, находился в психиатрической лечебнице, именно там, где я предполагал, что он должен быть, но в 1925 году мне не удалось этого установить.

И если уж приходится рассказывать общественности о моих семейных делах, то необходимо отметить выступление в печати Татьяны Билимович. Насколько я знаю, она напечатала ряд статей в разных эмигрантских газетах, выступив в мою защиту. К сожалению, этих газет я не получил, а узнал о выступлении Татьяны Александровны из статьи Вейнбаума в «Новом Русском Слове». Из этой статьи Вейнбаума я заключил, что племянница каменно верит в своего дядю, за что я ей благодарен. Она находит, что в моем открытом письме есть и «возмутительное» и «отвратительное», и поэтому она утверждает, что меня заставили так написать. Она думает, что ее дядя не мог написать «возмутительного» и «отвратительного». Я отвечаю ей той же каменной верой, но как же согласить это несогласимое?

Дело в том, что идейные убеждения Татьяны Билимович характерны и для других эмигрантов. Эти люди, если можно так выразиться, танцуют от печки. Их миросозерцание, сформировавшееся главным образом в эпоху гражданской войны, застыло на этом этапе. Застыло, как непререкаемость, на всю жизнь и потому, если находится человек, который говорит: «Да ведь что было, то было, но ведь пришло же новое, другое», они отвечают: «Нет, нового, другого нет и не может быть».

Ну, а если это может быть? Тогда «возмутительное» и «отвратительное» перестает таковым быть, потому что это правда. И мой дружеский и родственный совет Татьяне Билимович подумать над этим.

К великому моему сожалению, моя дорогая племянница и другие дорогие мне и не дорогие, безнадежно отстали от жизни. Но нет ничего безнадежного для тех, кто исполнится решимости пересмотреть свои заблуждения, которые им казались святыми убеждениями. Сейчас они не только потеряли святость, но просто влекут их в адскую бездну.

Теперь перейдем к другому стану, стану, который желает войны. Я должен сказать, что мне тут, в Советском Союзе, говорили, что таковые существуют, но я этому не верил и отвечал, что этого не может быть. Не может быть, чтобы люди желали в настоящее время войны, сопряженной ужасами термоядерных бомб. Но я ошибался. Я должен признать, что ошибался. Таковые люди, как я теперь убедился, есть. И этот стан эмиграции представляется мне просто непонятным. Я разберу его более подробно.

Бесноватые

Итак, я не верил, что бесноватые существуют. Я убедился в противном. Тут, кстати, я должен сказать несколько слов Войцеховскому. Но я не причисляю его к числу бесноватых. Нет, Войцеховский не бесноватый и не потому, что в своем «Открытом письме» он делает мне некоторые комплименты, а по другим причинам. Но, между прочим, он в одном отношении безусловно неправ.

В упомянутом письме он говорит: «...Нас, эмигрантов, Вы обвиняете в желании войны, даже в ее подготовке, как это ни смешно и как ни странно такое обвинение...»

Как же так?

* *
*

Я приведу неопровержимые свидетельства о том, что часть русской эмиграции желает и требует войны. Эти неопровержимые свидетельства собраны в статье Г. Же-

нина, помещенной в газете «Русский Голос» от 5 марта 1961 года под заголовком «Даешь войну». Из этой статьи я приведу некоторые данные, хотя и без разрешения автора, но я думаю, что он это мне не поставит во зло.

Журнал «Родина», редактор Б. Солоневич, в одном из номеров (95) собрал высказывания ряда известных общественных, церковных и политических деятелей эмиграции:

> «Атомная бомба... поистине менее опасна, чем нравственное разложение» (председатель синода Русской Православной церкви за рубежом митрополит Анастасий).
>
> «Мирное сосуществование с коммунизмом невозможно... Я считаю рискованным теперь утверждать, что коммунизм может быть уничтожен без применения силы оружия» (претендент на Российский престол великий князь Владимир).
>
> «Свободный мир и, в частности, США обязаны вооружаться... Только прямой удар по Красному Кремлю разрешит все вопросы мира и безопасности» (председатель Российского политического комитета — Б. Сергиевский).
>
> «Меч должен быть обнажен и обнажен будет. Свободный мир за оружие возьмется. Мы не боимся войны. Мы ищем ее и готовимся к ней. Предоставим церкви проповедовать науку любви Христа, а мы, профессиональные военные, должны морально и технически готовить себя в кадры будущих национальных вооруженных сил» (генерал Хольмстон-Смысловский, белый генерал, сражавшийся в последнюю войну на стороне немцев).
>
> «Мы, национальная эмиграция, стараемся внушить народам Запада необходимость вооруженной борьбы, которая только и может избавить всех от страшного призрака коммунизма... С коммунизмом можно бороться только огнем и мечом» (командир русского охранного корпуса из Югославии — полковник Рогожин).
>
> «Без войны я не вижу абсолютно никакого выхода и поэтому я хочу войны. Ничего не поделаешь.

«Да здравствует война!»» (бывший редактор русской газеты в Аргентине — И. Солоневич).

Самое показательное для психики бесноватых находим в другой статье Г. Женина, помещенной в газете «Русский Голос» от 2 апреля 1961 года под заглавием «Не люди, а звери». Он комментирует статью, подписанную условно инициалами АПК, помещенную в журнале «Родина» № 99.

Вот выдержка из нее:

> «Из всяких христианско-гуманитарных соображений свободный мир с облегчением приветствовал бы полное и совершенное уничтожение всей России. И не нужно особенно негодовать и возмущаться... Россия теперь заражена бациллами большевизма. Лечить Россию поздно... Нужно, следовательно, ампутировать ее от всего остального мира любой ценой, пока еще не поздно. Если 200 миллионов большевиков будут уничтожены, мир вздохнет с облегчением. Ну что же — это и иллюзорно и жестоко, но все-таки понять это рассуждение и можно и нужно».

Итак, С. Л. Войцеховский должен признать, что есть русская эмиграция, которая открыто и даже исступленно, упиваясь своим собственным безумием, зовет термоядерные бомбы упасть с неба на головы человечества. Но, может быть, С. Л. Войцеховский просто этих статей Г. Женина не читал и не слыхал высказываний тех лиц, о которых он упоминает в своей статье? В таком случае мой совет их прочесть и отгородиться от этой части русской эмиграции решительно и твердо.

Но сейчас я вижу С. Л. Войцеховского среди поджигателей войны, так как он совместно с Б. К. Ганусовским выступил с открытым письмом и тем самым как бы солидаризировался с этого рода мыслителями. Ведь Б. К. Ганусовский в газете «Новое Русское Слово» пишет:

> «Нормальным состоянием человечества является война, а не мир. До тех пор, пока люди остаются людьми со всеми их достоинствами и недостатками, до тех пор войны будут оставаться нормальным явлением».

Этим «изречением» Б. К. Ганусовский не только присоединяется к тем, кто желает сейчас третьей мировой войны, термоядерной, но узаконяет войну на вечные времена. Так было, так будет. Всегда друг друга люди резали и будут резать дальше.

* *
*

Итак, Б. К. Ганусовский тоже написал мне послание, на которое я отвечать по существу не буду. Полагаю, что корреспонденты Вадим Муратов, А. Самарский и Г. П. Токарев в своей статье под заглавием «Ответ врагам Родины», помещенной в газете «Русский Голос» за 19 февраля 1961 года, сделали это за меня и достаточно убедительно.

Вместе с тем я припоминаю один эпизод, который дает ключ к пониманию Ганусовского. Он, по его собственным словам, был офицером в так наз. «власовской армии» и притом в частях, действовавших во время войны в Югославии.

* *
*

Я жил тоже в Югославии, в одном маленьком городке Сремски Карловцы. Там я не видел ни четырех с половиной миллионов, о которых будто бы Власов говорил немецкому командованию, ни 42-х тысяч кавалеристов, о которых говорит Ганусовский. Я видел вот что. Однажды в Сремски Карловцы вошла примерно сотня всадников. В них легко было узнать русских казаков. Спешившись, они остановились на площади. Кто они такие? Мы не знали. Я был крайне удивлен появлением здесь русской кавалерии. Лица у этих людей были неприятные, но ничего звериного они не делали. Наоборот, покупали фрукты на базаре. И я даже некоторым помог в качестве переводчика. С ними был и офицер, с лицом не казачьим. Он подошел ко мне, сказал:

— Вы эмигрант?

— Да.

Он улыбнулся и сказал:

— Ну, как Вы нас находите?

Я ответил:

— Рад, что казаки не грабят.

Он посмотрел на меня каким-то особым взглядом и сказал так:

— Я не казак, хотя и командую ими, я петербуржец. Грабить нам нечего, у нас денег много.— И прибавил пониженным голосом.— Но мораль...

Я спросил:

— Какая?

Он ответил:

— Ужасающая.

На этом разговор прервался. И я его не понял. Но через несколько дней стали доходить со всех сторон слухи. И сербское население просто было в отчаянии. Они говорили:

— Вы подумайте, и это руссы.

Всем известно, что сербы до конца оставались русофилами. И то, что им легче было перенести от немцев, было нестерпимо переносить от русских. Они объясняли, что те казаки, которые прошли через Сремски Карловцы, избрали себе специальность: вешать людей на всех окрестных бандерах (столбах).

Тогда я вспомнил петербуржца и его слова об ужасающей морали.

А теперь я думаю после письма Ганусовского, что вот это и были те самые власовцы, которыми он командовал, находясь в кавалерийском корпусе немецкого генерала фон Панвица. И теперь мне до конца понятна природа Ганусовского, выражающаяся в доктрине: «...Нормальным состоянием человечества является война, а не мир».

* *
*

Открытые письма написали мне три лица. Кроме С. Л. Войцеховского и Б. К. Ганусовского, еще и профессор Д. Н. Иванцов.

С г-ном Иванцовым вступать в полемику по вопросам развития сельского хозяйства в Советском Союзе я не намерен, т. к. я недостаточно подготовлен для этого, да

и к тому же я привык с детства уважать высокие титулы ученых. Но если г-н Иванцов действительно серьезно интересуется этими проблемами, то я искренне советовал бы ему воспользоваться документальными материалами, которых в Советском Союзе изобилие. Я имею в виду доклады, речи и выступления участников Пленума Коммунистической партии, проходившего в январе 1961 года специально по сельскому хозяйству, и последующие зональные совещания, на которых выступал Никита Сергеевич Хрущев с присущей ему энергией и глубоким знанием дела.

Сейчас все эти документы изданы в специальной книге, которую я рад буду любезно преподнести профессору по первому его желанию. Но если профессор не доверяет официальным данным, публикуемым в Советском Союзе, то он мог бы с пользой почитать совпадающие выводы о состоянии советской экономики и в том числе сельского хозяйства в солидных органах печати США, Англии и других западных стран.

Как это было...

На этом можно было бы и закончить настоящее письмо. Однако есть один вопрос, который интересует и моих друзей и недругов.

Я хочу ответить на него своим друзьям и в особенности Глебу Струве и Татьяне Билимович.

* *
*

Причина и цель моего первого «Открытого письма» в нем же указаны. Сейчас представляется нужным уточнить вопрос, почему Шульгин, отсидев 12 лет в тюрьме, не выехал при освобождении за границу.

Почему, почему? Чтобы это рассказать, надо поставить контрвопрос: а почему Шульгин выехал за границу в 1920 году, т. е. эмигрировал? Если держаться точной истины, то я вовсе и не эмигрировал. Меня эмигрировала судьба в виде бури, бросившей меня на берег Ру-

мынии. Кто знает, если не этот непреоборимый норд-ост, как бы сложилась моя жизнь?

Во всяком случае, в 1921 году Шульгин, выйдя из Варны (Болгария), переплыл Черное море и снова был на русском берегу (Гурзуф, Крым) в поисках своего безвестно пропавшего сына. Поиски были неудачны. Шульгин бежал из Крыма, в Варне подвергся «неаккуратному обращению» со стороны болгарских жандармов, сломавших ему руку. В 1925 году он снова в России нелегально, гонимый туда отцовским чувством, сделавшимся осью его жизни. На этот раз неаккуратного обращения не было, но сына найти не удалось, и Шульгин бежал снова за границу.

Я хочу сказать: были причины, почему Шульгин то эмигрировал из России, то хотя бы на короткое время возвращался снова на родную землю. Каковы же причины? Естественные человеческие чувства родственной любви? Политика? Или еще нечто? И каковы причины, заставлявшие его снова и снова бежать в другие страны?

Начнем с последних, это всего проще. Шульгин бежал из России, спасая голову и личную свободу. Дальнейшие события показали, что если жизнь ему подарили, то долголетняя тюрьма его ждала в отечестве. Что касается родственной любви, то меня может понимать тот, кто ее имеет. У кого такие чувства атрофированы, понимать эту материю не может. Не могут понимать и другую любовь, любовь к Отечеству, те, для которых это только фраза, а живое чувство к Родине умерло. Во мне оно всегда было живо. Я приспособлялся к другим странам, я ценил в них многое и мог полюбить отдельных людей, но я не принял никакого чужого подданства, и этим все сказано. Что же касается политики, то она сопровождала меня во всех своих делах, но не как любимое знамя, а как тяжелый долг перед Родиной. Таким я был, таким и остался.

Теперь обратимся к 1956 году, когда вышел из тюрьмы. Почему я эмигрировал, бежал из отечества несколько раз? Да потому, что никому не хочется умирать сразу или умирать в тюрьме долгие годы.

Но в 1956 году эти причины отпали: меня освободили и расстреливать не собирались. Это много или мало?

Попробуйте. Тогда поймете, что значит жизнь и личная свобода, т. е. возможность ходить туда-сюда по белу свету, видеть людей и жизнь, ну и все прочее.

А политическая свобода? И вы могли ее предать за свежий воздух?

Сказать по правде, о политической свободе первые дни я не думал. Я был в настроении Юанна Дамаскина:

«Благословляю вас, леса,
 долины, горы, нивы, воды,
Благословляю я свободу
 и голубые небеса...
...О, если б мог всю жизнь обнять я
И душу вместе с вами слить.
О, если б мог в мои объятья
Я вас, враги, друзья и братья,
и всю природу заключить».

Однако подготовка к этому восторженному настроению совершилась еще в тюрьме. За решеткой сидя, мы чувствовали, что и в тюрьме и за ее пределами совершается нечто большое и замечательное.

Мне казалось, что те причины, которые меня гнали раньше из отечества, смягчаются, и верилось, что лозунг «лицом к человеку» — не только красивая фраза, а воплощается, внедряется в жизнь.

При таких условиях я не смог ответить согласием на сердечное приглашение одного заключенного, раньше меня освобожденного и вернувшегося к себе на родину в Западную Германию. Он предлагал мне переселиться к нему вместе с женой и жить у него до конца дней моих на правах близкого родственника.

Я не знаю, как бы отнеслись соответствующие государственные органы к моему выезду на Запад, но тогда я не поставил этот вопрос на рассмотрение Советской власти. Таким образом, я остался в Советской России по своему желанию.

Что же было дальше?

За неимением родных в Советском Союзе, которые могли бы нас с женой взять на иждивение (она приехала ко мне из Венгрии), мы были направлены в инвалидный дом. Более трех лет почти всеми забытый, проживая в Гороховецком, а затем во Владимирском доме

инвалидов, я внимательней присматривался к событиям и людям

В этой стране, где я живу, осужден «культ личности». Вопреки этому личность Хрущева постепенно меня захватывала. И, наконец, мне стало просто стыдно только наблюдать его самоотверженную борьбу за мир. Я не был сам у власти, но в свое время я был к ней достаточно близок, чтобы понимать, как тяжело и трудно приходится человеку, имеющему мировое значение и несущему ответственность за судьбы народов. И я решил принять посильное участие в этой благородной борьбе. Я начал писать обращение к эмиграции. Русские эмигранты — единственная аудитория, которая, может быть, меня выслушает,— думал я. Осуществить эти намерения помог один знакомый московский литератор. Он посодействовал мне при ознакомлении с новой советской действительностью.

Тогда-то и появилось мое первое открытое письмо к русской эмиграции, продолжение которого вот это второе.

Так это было.

Послесловие

Итак, мне стало совершенно ясно, что среди русской эмиграции обозначились два стана. Одни желают своей родине мира и мирного труда, другие желают стереть ее с лица земли. Последнему не бывать.

Я верю глубоко в победу разума и добра.

СОДЕРЖАНИЕ

Шульгин Василий Витальевич
ПИСЬМА К РУССКИМ ЭМИГРАНТАМ.
М., Соцэкгиз, 1961. 95 с.

Редактор *В. Антонов*
Мл. редактор *М. Толокнова*
Оформление художника *Г. Чеховского*
Технический редактор *О. Чепелева*
Корректоры *Ю. Железнова* и *В. Феника*

Сдано в набор 15 сентября 1961 г. Подписано в печать 25 сентября 1961 г. Формат бумаги $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумажных листов 1,5. Печатных листов 4,92. Учетно-издательских листов 4,41. Тираж 100 000 экз. А 06283. Цена 10 коп. Заказ 2203.
Издательсгво социально-экономической литературы.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.